

Нашествие на жизнь

Ананьева (Ковалевская) Е. В.

В апреле 1941 года меня, пятилетнюю, отправили на лето с няней Матрёной Ивановной, как обычно, на её родину в псковскую деревню Ягодно, где жила её младшая сестра Наталья Ивановна с тремя детьми: Петей, Колей и Машей. Там, за Лугой, и застала нас война.

Когда родителям стало ясно, что немцев у Пскова не остановят, мама поехала за нами. Подводой мы добрались до станции Струги Красные, но на Ленинград поезда уже не шли. Мы вернулись в деревню. Старший сын тети Наташи, Петя, ушел на войну.

Немцы объявились скоро. В нашей лесной маленькой деревне они не стояли, являлись с облавами. Отбирали продукты, скот, ловили шестами с верёвками кур.

Е.В. Ананьева с матерью и няней. 1945 г.

Стало так: мы – женщины, дети, старики – свои и немцы – чужие, с автоматами – враги. Захотят, сядут на завалинку избы, поиграют на губной гармошке; захотят, хохоча пострашают, прицеливаясь, а то и выстрелят или уведут насовсем. Перед немцами старались не проявляться – может, не остановят взгляд.

В семье очень скоро осознали, что до весны нам вшестером не прокормиться и впроголодь. Было решено: маме со мной пойти по миру; я у мамы одна, мы городские, нас приютят.

В дальних от большака деревнях успели кое-что спрятать в лесных ямах. С нами делились и едой, и одеждой. Но везде голод, и подолгу мы нигде не жили. Какая была работа, мама брала на себя. Шила-перешивала из старого новое. Однажды довелось шить тулупы на руках. Нам дали зерна и маленькую новорождённую козочку. Тогда мы отправились в свою деревню.

Козочка стала моим дружкой. Мы даже спали с нею в обнимку на сене на полу. Махонькая, она всюду бегала со мною рядышком.

Была ещё зима, но солнце уже растапливало прогалины. Случилось, тётя Наташа, мама и я за чем-то вышли из деревни на дорогу. Вдруг из-за леса вылетел и полетел над дорогой низко-низко небольшой самолет. Мы забежали под единственное на обочине деревце. Самолет пролетел мимо нас над деревней и быстро вернулся, всё снижаясь. Вдруг моя козочка выскочила на дорогу и стала что-то щипать в прогалине. Самолёт – почти над нами. Тетя Наташа и мама молятся. Я вижу лётчика, он смеется. Бухаюсь на колени (мама держит меня за руку) и, плача, молюсь: «Царица Небесная, Матерь Божия, спаси мою козочку». Немец не выстрелил; набрав высоту, самолет скрылся. После в деревне подшучивали, как девочка Женя молилась Богу, и женщины, услышав «Царица Небесная, Матерь Божия, спаси», думали, что я молюсь за нас, и у них появилась надежда на молитву ребенка.

Всю войну мы жили в неведении: что где происходит, не знали. Не было ни радио, ни электричества, ни писем. Немцы не победили. Это мы понимали по их поведению. Мы жили, семьи, на своей земле. Немцы – не жили; они – войска, они вешали в назидание, грабили, стращали и злодействовали. Старших детей от них прятали: девочек – от насилия, мальчиков – от расстрела как возможных партизан. И всё это было.

Было и такое. Мотоциклисты внезапно подъехали к избе. Коля, 13-ти лет, не имея времени убежать в лес, юркнул под жерди, ещё до войны вдоль избы сложенные для просушки на подпорках. Обыскав избу, хлев, сарай, немцы сели на жерди, закурили. Меня мама отвела подальше, чтобы не выдала глазами. Тётя Наташа всё звала их в избу. Но они так и сидели, покачиваясь на жердях, сидели и докурив: день-то был солнечный. Колю не обнаружили.

А на Пасху ранним утром в деревню въехал танк. Немцы с канистрами подбегали к избам, обливали стены бензином, поджигали. Люди выскакивали, что-то успевали вынести. Из соседней избы не вышли старики, за них просили, но немцы подперли дверь колом.

Скот собирали в стадо. Ко мне подошел немец с автоматом и отогнал козочку. Рядом была копанка, ещё подо льдом. Козочка отпрыгнула на лед. Немец – за ней. Изгибаясь, пытался её схватить, но кроха проскакивала между сапогами и устремлялась ко мне, на голос. И немец, и козочка падали, скользя. «Швейн, швейн», – кричал немец, размахивая автоматом. Мама зажимала мне рот. Я редела горячими слезами. Лёд был уже некрепкий. Боялись, что немец провалится или просто, разозлившись, начнет стрелять. Но он отступился, ушёл. Когда подожгли все избы, нас толпой направили по дороге; козочку забрали, больше я её не видела. Впереди гнали скот; за ним ехал танк; немцы сидели на танке с автоматами наперевес; за танком шли мы. Так двигались до речки. Мост был разобран. Танк остановился. Скот погнали вброд. Нам приказали идти обратно. А

мы стояли, не шелохнувшись. Мы боялись, что в спины начнут стрелять. Немцы развернули дуло танка в нашу сторону, выстрелили над головами. Кричали: «Шнель, шнель!!» и хохотали. Мы пошли, сперва пятась. Поворачивались и шли. Лязгнули гусеницы танка, ...пошёл, ...звук удаляется, ...не стреляют.

Если меня спросят, что такое война, я расскажу, что почувствовала, когда мы вошли туда, где только что стояла деревня. На месте изб – чёрные прямоугольники с огненными языками; запах сгоревшего дерева, зерна, шерсти. Жар. Каждый встал около своего: только что было всё, остался лишь запах уничтоженного. И стон... Жить как? Запах – память. Запах войны.

Начиналась весна 1942 года.

Разбрелись в лес порознь, семьями: так прятались. Сперва спали на земле под натянутой меж стволами простынёй. Потом вырыли яму, перекрыли её деревцами, ветками, накрыли дёрном. Две стены сделали с уступами – это лежанки с лапником. С нами жил очень старенький одинокий дедушка; он плёл лапти. Костёр разжигали маленький, чтобы дым не поднимался над лесом. Голод и теснота. И мы с мамой опять пошли по миру, теперь по «окопам».

Однажды, слякотной осенью, пришли в ещё не сожжённую деревню Прит. Избы стояли вдоль дороги, шедшей по высокому берегу реки. За рекой – широкая пойма, поле, дальше лес. К задворкам деревни, к огородам, лес подходил вплотную. В крайней избе нас приютили. Там жили тётя Таня с маленьким сыном. Муж её, дядя Костя, был в партизанах; изредка он наведывался.

В лесу за рекой были вырыты «окопы», настоящие, с деревянными стенами, полом и полатами; были стол, табуретки и даже одеяла и подушки.

Однажды ночью, только вошёл в избу дядя Костя, как всегда, с ружьём, послышался за поворотом дороги мотоциклетный стрекот. Нас, детей, мамы быстро перевели через дорогу и велели идти в «окопы». В этот момент сверкнул свет фар и лёг вдоль дороги. Мы юркнули за стожок. Мамы не успели добежать до избы, немцы уже спрыгивали с мотоцикла. Наших мам поставили к изгороди, один немец навел автомат, другой вбежал в избу. Раздался выстрел. Мы заревели: мы уже видели расстрелы. Шли в «окопы» и ревели. И в «окопе» ревели. Открылась дверь – и вошли наши мамы, в слезах, как и мы. Они оплакивали дядю Костю: когда раздался выстрел – и сразу крик: «Партизан!», немец бросился от них в избу, не успев выстрелить. В стороне огорода прострочили автоматные очереди. Теперь мы плакали вчетвером. Вдруг открылась дверь – и вошёл дядя Костя, чёрный, весь в грязи. Он сказал: «Живы!». И мы плакали все от радости. Дядя Костя сказал, что когда увидел, как женщин ставят к изгороди, подбежал к окну, разбил его с треском, выпрыгнул в огород и выстрелил. Немцы – за ним, бьют из автоматов. До леса и в темноте не добежать, и он упал ничком в борозду. Подбежали немцы, перевернули его сапогом и быстро ушли. «Бог спас», – сказал дядя Костя. Та радость была со слезами ужаса пережитого.

Скоро в деревню постоем пришли немцы. В нашу крайнюю, у самого леса, избу не встали. Но маму, грамотную, обязали работать в комендатуре. Тогда ночью мы ушли.

У нас с мамой ничего не было. Зимой теплой одежды не было. То, что было на нас, в заплатках. На ногах – чуни, а то и лапти; летом – босиком. Не помню, чтобы простужалась. Короста была. Меня мазали дёгтем и вертели перед пылающим жаром, всё подталкивая к огню.

Самым тяжким для меня было – неизбежная без вины виноватость. В детских провинностях обвиняли меня хозяйские дети, взглядами. Не наказывали: не в чем тогда было провиниться всерьез, да и наказывать было нечего: кости да кожа. Но заступиться за меня было невозможно из боязни, что нас прогонят. С горя я убежала прятаться в куст, плакала и в голос молилась, чтобы мне умереть. Такую мама меня нашла – услышала. Мамины объяснения ничего не меняли, я и сама всё понимала. Только боль – нестерпимая: от своих, капля сверху, лишняя.

Случилось нам оказаться в «окопе», вырытом на пепелище. Не знаю, что-то тянуло людей вернуться в свои «деревни». Эта была в нескольких километрах от большака. Дорога в деревню от леса шла лугом, ещё вдали спускаясь с пригорка, – и слышно, и видно. Дорогу караулили мальчики. Облавы бывали часто, рано утром. На крик мальчиков: «Немцы!» – все бросались на другую сторону «деревни», в болото. Немцы тоже бежали, спускали собак, строчили из автоматов. Я боялась за маму, она ведь больше меня. И я кричала ей, бегущей за мной: «Мамочка, ниже, быстрее, быстрее». Все успевали забежать подальше и распластаться за кочками. Овчарки кружили у края; видно, не брали след. Немцы в болото не лезли, только обстреливали.

Только сейчас, написав эти строки, я поняла, что мама закрывала меня собою.

Что мы ели в окопные годы? Помню только траву. Особенно вкусной была лебеда, но на второй окопный год её находили редко. Не выращивали ничего: нечего было сажать, да и грядки выдали бы нас. В лесу живности не было; речка маленькая, без рыбы. Ели то, что росло в поле, в лесу. И зимой кору ели.

Случилось, мама утром не смогла встать, не было сил. Я помчалась на болото, даже не спросясь. Была поздняя осень, я насобирала только горсть уже усыхающей гоноболи (так на Псковщине называют голубику). Мама сразу всю съела. Но почти сразу ей стало хуже. Руки совсем обессилили, затуманилась голова, мама молчала. И я пошла за хозяйкой. Узнав про гоноболь, она сказала: «Гоноболь – пьяная ягода. Пройдет». И правда, немного погодя, мама улыбнулась мне. Отлежалась мама.

Как-то в лесу мы с мамой набрали на строение у перекрестка дорог. Строение походило на сарай: без окон, одно большое помещение, но пол был высокий, и было крыльцо. Народу в нем жило много. Спали вповалку на сене.

Однажды зимой, уже к ночи, на дороге появились немцы: шли и шли, быстро, не остановились. Не успели мы опомниться, не то что заснуть, как в дверь постучали. Стоит в белом маскхалате, с красной звездочкой на шапке, военный. Спрашивает, куда прошли немцы. Все молчат. Пришедший уверяет, что наш, на звездочку показывает. Все молчат. Увидев маму, спросил:

– В Ленинграде жили?

– Да, – ответила мама.

– Помните, на углу Екатерининского канала и Невского Казанский собор, напротив «Дом Зингера», а дальше Итальянский мостик?

– А «Спас на крови», Михайловский сад, павильон Росси?

– Помните, помните?

Они уже в два голоса спрашивали. Глаза в глаза. И мама показала рукой.

Военный сбежал с крыльца, вскочил на коня, и ждавший на дороге отряд помчался, очень большой, в конце его – волокуши.

Те немцы, перед нашим отрядом, были последними вояками, которых я видела. Позже были пленные: неприятные, но не опасные.

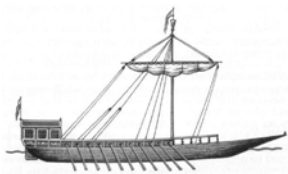
После того события мы пошли в свою деревню. Вскоре приехал на полutorке папа. А в апреле, выхлопотав пропуска в Ленинград, привез нас всех троих домой. Шел 1944 год.

Почти три года изо дня в день – перед лицом смерти, с замёрзшей душой. Но среди жизни без унижения себя перед силой нашествия, просто жизни с чистой верой и терпением, жизни на своей, родной земле и с жалением людей.

Оказалось, я обрела тогда эту любовь. Ягодно, его люди – и моя родина.

P. S. Мы с мамой никогда, ни разу, не говорили о тех годах.

Печатается по изданию: За блокадным кольцом: Воспоминания/ Автор-составитель И.А. Иванова. – СПб.: ИПК «Вести», 2007. С. 19–22.

Каникулы обернулись концлагерем

Грачёв В.И.

Отец мой был моряком, окончил в Кронштадте курсы красных командиров подводного плавания, служил на Балтийском флоте. В 1930 году в составе 25-тысячников был направлен на коллективизацию в Демянский район. В деревне Вотолоино создавал колхоз, названный «Ответ интервентам». Женился, в 1931 году родился сын Иван, в 33-м – я.

В 1937-м отца снова призвали на флот. Он стал помощником начальника Северо-Западного пароходства.

Жили мы в Ленинграде, но летом нас, детей, отправляли в Вотолоино к бабушке и деду. Уехали мы и в мае сорок первого... Мама осталась в Ленинграде, а отца отправили на полуостров Ханко, где он занимался эвакуацией торпедных катеров и погиб в ноябре 1941 года.

Как я узнал уже взрослым, немецкая группировка под Шимском была окружена нашими войсками: 11-й армией генерал-майора В.И. Морозова и 27-й – генерал-майора Н.Э. Берзарина. В демянском «котле» остались более 200 тысяч немцев из 16-й армии генерала Буша и 23 тысячи гражданского населения. Наша деревня оказалась в прифронтовой зоне.

Первый залп «катюш» был, как известно, дан под Оршей, а второй – под Демянском. Три машины стояли в деревне Воздухи, где находился штаб танковой дивизии И.Д. Черняховского. Они дали несколько залпов по деревне Монаково, там располагался штаб немецкого корпуса. Линия фронта отодвинулась на 20 километров к западу, и в декабре 1941 года штаб корпуса переехал в Вотолоино.

У нас в доме разместилась охрана, а сам штаб – через дорогу. Начали укреплять наш подвал и обнаружили дедов сундук, в котором хранилась собранная отцом политическая литература, портреты Карла Маркса и Ленина. 26-го декабря деда забрали в комендатуру, а нас выгнали из дома. Собирались расстрелять, но вступился сосед Куропаткин, служивший переводчиком и старостой Владимир Антонович Ефимов.

Расстрел заменили концлагерем. Всем четверым нашили на одежду красные треугольники (семья коммуниста) и отправили в Демянск. Вначале мы находились за колючей проволокой в шалашах из прессованного сена вместе с военнопленными, взятыми на Северо-Западном фронте. Потом гражданских перевели в помещение городской бани, а в феврале повезли в Старую Руссу. Перевозимые в крытых вагонах погибли – вагоны оказались душегубками.

В старорусской тюрьме мы находились до апреля. Однажды под вечер нас в открытых машинах привезли на станцию, где мы провели ночь. Здесь раздавали эрзац-кофе. Наш мудрый дед не пил его и нам не давал. Выпившие же «кофе» к утру умерли.

За городом Дно железная дорога была разбита. Нас высадили в Стругах Красных, поселили в скотном дворе у речки. Взрослых гоняли на ремонт железной дороги, детей и стариков – перебирать брюкву в колхозных буртах. Конвоировали нас автоматчики с собаками. Откормленные сильные собаки, натренированные на детский плач, сбивали заплакавшего с ног и терзали его. Так случилось однажды с братом. Но бабушка Анастасия Максимовна упала на Ивана, вмяла его в снег и тем спасла.

Переводчиком здесь был некто Пенко – высокий щеголеватый человек, постоянно ходивший с резиновым хлыстом. Он часто пускал его в ход, и мне не раз доставалось по голове, но спасала шапка-ушанка. Потом Пенко отправили на фронт и поговаривали, что его убили.

Кормили нас мороженой брюквой и картошкой без соли. Один из охранников Эрик Ник принёс нам пластмассовую коробочку с красноватой калийной солью. Мы промывали её, но горький привкус оставался.

Среди узников расплодился вши. Немцы провели санобработку и отделили детей в специальный блок. Тут неожиданно нас стали хорошо кормить: молоком, мясным супом с настоящим хлебом и шоколадом. Загадка разрешилась, когда у нас стали брать кровь для немецкого госпиталя, размещавшегося в бывшей школе.

Кровь брали каждую неделю и, несмотря на хорошее питание мы слабели.

Так продолжалось до начала 1943 года, пока наша авиация не разбомбила госпиталь. Нас выгнали из блока, сделали дезинфекцию и поместили туда выживших раненых.

Нас на фурах, запряжённых четвёрками лошадей, отвезли в деревню Посадница, где снова брали кровь. Но вспыхнула эпидемия сыпного тифа, почти все заболели, и наше подневольное донорство кончилось. Выздоровевших вернули родным.

Летом 1943 года я наколол ногу ржавой проволокой, нога воспалилась, немецкий хирург определил гангрену и назначил на ампутацию. Бабушка бросилась к другому врачу, чеху по национальности. Он взялся меня лечить: делал уколы пенициллина, промывал рану риванолом, и я поправился.

В стругокрасненском лагере запомнилась казнь троих партизан, на которую согнали всех узников. Приговорённые стояли на танкетках под берёзами с петлями на шее. Танкетки отъехали –

казнённые повисли. Их велели не снимать, но дед с местным жителем Плюшковым всё же решились. Ночью повешенных охраняли полицаи и деду прострелили ногу.

С партизанами и их семьями немцы расправлялись очень жестоко. В деревне Добрый Бор жила старушка Костиха, сын которой воевал в партизанском отряде. Эсэсовцы подвезли огнемёты и дали залп. Дом вспыхнул, в огне погибла и хозяйка.

Пришла весна 1944 года. Стремительно наступала Красная Армия. В апреле¹ немцы стали отступать, угоня с собой жителей. Факельщики обходили деревню и поджигали дома. Дед сумел увести нас за околицу и спрятать в пунях с мякиной.

Вскоре появилась наша разведгруппа в маскхалатах. Немцы открыли миномётный огонь, и несколько разведчиков пострадали. Бойцы угостили нас с братом мороженым хлебом и дали чайник – принести раненым воды.

Речка Синюха начиналась от родника, протекавшего под косогором. На холме стояла часовня. Только мы спустились к роднику, как по нам открыли стрельбу, пробили чайник. Разведчики забросали часовню гранатами, она рухнула.

После освобождения нас, всех четверых, положили в госпиталь с дистрофией, у деда к тому же не заживала раненая нога. Поправившись, мы вернулись в своё Вотolino. Бомба попала во двор, но дом не полностью разрушила. Осенью вернулась из эвакуации мать, но в Ленинград мы больше не поехали, остались в деревне.

Мы с братом пошли в школу. На весь класс был один букварь, чернила варили из свёклы. Закончив в Вотолине семилетку, в 8-10-м классе ездили в Демянск. Я поступал в медучилище, но не прошёл медкомиссию: рост мой был тогда всего 1 м 48 см.

Пошёл работать, подросток. Жизнь постепенно налаживалась, но пережитое в войну осталось в памяти навечно.

Печатается по изданию: Книга Памяти: Ленинградская область. Т. 41. – СПб.: ИПК «Вести», 2006. С. 45–46.

---

¹ Здесь автор ошибается. События происходили в феврале 1944 г.

Начало войны: происходило что-то непонятное

Акимов Александр Григорьевич

22 июня 1941 г. началась война, неожиданно, хотя её все и ожидали. Из Ленинграда стали выезжать пионерские лагеря. Мои родители также, на других глядя, отправили нас подальше от предполагаемых бомбёжек города. Меня отправили на ст. Струги Красные, что за Лугой к родственникам. Никто и в страшном сне не мог предположить, что произойдёт впоследствии. Следует отметить большой патриотический подъём в стране среди населения. У военкоматов образовывались очереди добровольцев. Мой отец имел бронь, однако ушёл на фронт добровольцем. Мои сверстники убегали сами.

Уже находясь в Стругах Красных, постепенно наступало понимание, отрезвление. Происходило что-то непонятное. В сообщениях по радио хотя и говорилось об оставлении того или другого города, однако в целом якобы было всё хорошо, что враг будет разбит, и победа будет за нами. Об этом мне сказал и мой дедушка. Примерно так: «Мы прольём много крови, но победа будет за нами. Россию никто не может победить».

Но были также и тревожные слухи, и огромные колонны беженцев с домашним скотом и скарбом на телегах. Тянулись колонны уставших красноармейцев, отходивших на новые рубежи обороны. На вопросы, что происходит, они отмалчивались, не отвечали, видимо, было запрещено. Местные власти создавали небольшие отряды, вооружали их, и они куда-то уходили, как потом выяснилось, в леса. В Струго-Красненских и Лужских лесах, как стало известно впоследствии, был создан партизанский край, действовало более 200 партизанских отрядов. Оттуда в самые голодные дни в Ленинград прибыл санный обоз с продовольствием. Обыватель мало что понимал. Одно было ясно, что фронт приближался.

Недалеко от нашего дома, кажется Вокзальная 10, была установлена счетверённая пулемётная точка для борьбы с самолётами противника. Там находилась группа красноармейцев, и я там был своим человеком, доставлял воду, продукты, за которыми они меня посылали, присутствовал при отражении налётов на станцию. Вокруг станции было расположено четыре таких точки. Скопления беженцев и красноармейцев немецкие самолёты расстреливали из пулемётов, не спускаясь слишком низко. Все уходящие составы со станции фашистские летчики бомбили и расстреливали уже с низких высот за станцией. Нередко видел, как лётчики гонялись за отдельными людьми, но сделать ничего было нельзя. Ни наших самолётов, ни пулемётов, прикрывавших эшелоны, не было.

Наблюдая за собой, я обнаружил, что особого страха не испытывал. Не впадал в панику, не бегал, а ложился в любую яму и переживал, когда это кончится. Таким образом, я, уезжая из Ленинграда от бомбёжек, по воле случая оказался практически в гуще событий. Ещё раз о страхе. Страх, конечно, был, как и у всех людей, но не такой животный, как приходилось наблюдать у других. Некоторыми овладевало какое-то помешательство, которое заражало других. Я уходил от таких людей.

Немцы жестоко бомбили беженцев и военных, расстреливали из пулемётов, бросали расверленные рельсы (куски), которые производили страшный вой и свист, чем приводили некоторых людей в помешательство. Немцы стремились сохранить все пристанционные службы, необходимые им при захвате станций. А эшелоны бомбили за станциями. Преимущество немцев в воздухе было огромным. Наши самолеты появлялись редко, их в этот период было мало. Мы потеряли большое количество самолётов, но и немцы в первый день войны потеряли также 200 самолетов, 16 из них было сбито воздушными таранами. С такой войной они ещё не встречались. Всё это нам стало известно после войны.

На станции начались грабежи магазинов. Один раз я наблюдал это. Всё происходило как в кинофильмах времён гражданской войны. Кажется, власти уже не было. Слышалась ружейно-пулемётная стрельба за станцией. На путях стояли два состава, один состоял из вагонов, а другой из открытых площадок. В середине состава были расположены 4 вагона, в которых находились раненые. На крышах вагонов были нарисованы кресты. Состав стал уходить. Пристанционное радио многократно объявляло, что формируется последний состав. Вот в этот состав на предпоследнюю площадку я и сел. Раннее утро, солнце ещё не всходило, но было светло. Народу много, это были женщины, почему-то в белых платках, возможно об этом объявляли, и дети разного возраста, но большей частью грудные и маленькие. Я считал себя уже взрослым.

Итак, мы медленно, но выезжали со станции. Медленно потому, что железнодорожные рабочие очищали путь от разбитых вагонов, так как ушедший ранее нас состав был разбит. Появился «Юнкерс», я уже в них разбирался. Поезд остановился. Паровоз стал как бы жалобно кричать, подавая сигналы. Народ с площадок стал прыгать и разбегаться в разные стороны. Самолёт прошёлся над составом дважды, видимо, расстреляв свой боезапас. Я никуда не побежал, а прижался к борту платформы, укрывшись каким-то одеялом. Щепа от пулеметных очередей больно била меня через одеяло. Из вагонов, где были раненые, раздавались страшные, нечеловеческие крики.

После того как самолёт улетел, стали собирать раненых и грузить на платформы, а мёртвых складывать на обочине железнодорожного полотна. Народу на площадках значительно поубавилось. Надо сказать, что до ст. Луга нас фашистские самолёты больше уже не беспокоили. На ст. Луга наблюдался уже более или менее порядок, хотя и она была забита беженцами и

военными, ждавшими своей очереди для отправки. Я расположился в пристанционном сквере, обосновался у мешков, народу там было очень много. Как потом выяснилось, это были деньги, кто-то вёз их, но не довёз, скорее всего, погиб. Особенно много серебряных монет, были упаковки мягких денег.

Каждый день мы пытались уехать. Формировались только поезда для военных, гражданских пока не брали. В один из дней мы наблюдали воздушный бой и сопереживали нашему лётчику. Наш самолёт был один, а дрался он с группой мессершмитов. Не сразу, но он был сбит. Лётчик же выбросился на парашоте. И это было его ошибкой. Об этом мне стало известно позже. Немцы организовали вокруг спускающегося лётчика карусель и расстреляли его на глазах большого количества людей. А самолёты продолжали кружить и расстреливать парашют до тех пор, пока лётчик не спустился к земле кулём.

На другой день фашистские самолёты, не пикируя, с большой высоты, ибо с земли вёлся сильный пулемётный огонь, стали бомбить пристанционный сквер. Я был в укрытии из денежных мешков. Кто-то с другой стороны разрезал мешок и стал брать, как мне показалось, деньги. Бомба упала с другой стороны, там, где был человек. Я был контужен. Его кровью я был залит. Очнулся я в куче людей, приготовленных к отправке для захоронения. Я услышал голос, который сказал: «Он, кажется, шевелится». Меня облили водой, я встал, и пошел прочь от трупов. Несколько дней не находил себе места. Мне удалось незаметно забраться на буфер отходящего состава. Курящие красноармейцы заметили меня и втащили в вагон. Видимо, я выглядел плохо — они за мной ухаживали и кормили.

Так я добрался до Ленинграда. Здесь ещё было тихо. В августе противовоздушная оборона ещё справлялась на дальних подступах с группировками фашистских самолётов.

Возвратившись в Ленинград из Струг Красных с «отдыха», я долго приходил в себя после контузии в Луге. Но, в конце концов, отошёл и стал заниматься всем тем, чем занимались ленинградцы в то время: красил чердаки специальной противопожарной краской (она спасла от пожаров многие дома в Ленинграде), дежурил на чердаках и крышах, тушил зажигалки. К счастью нашему, зажигалок на наш дом упало немного, и их все погасили, фугасок не было вообще. Падали они близко и большие, по 250 кг, но за домами, которые как бы нас защищали. Дома большие, каменные, а наш — деревянный двухэтажный, его после нашего отъезда вскоре разобрали на дрова.

Оглядываясь назад с болью в сердце, я, порой удивляюсь, как нам удалось пережить ту страшную голодную, холодную зиму. Морозы доходили до 40 градусов, нам казалось, что они всё время были такими. Запасов продуктов никаких. Снижение нормы на них, кажется, шли друг за другом, вплоть до 20 ноября 1941 г. Декабрьский хлеб 125 г. практически был не хлеб, он был сырым,

горчил и более походил на замазку, к тому же пахнул тавотом². Хлебные формы смазывали эмульсией, которая своим запахом напоминала именно то, о чём я сказал. Нам хотелось хотя бы такого хлеба, и больше.

Во дворе росла гора человеческих трупов, которые сначала складывали, но их становилось всё больше, и никто уже не мог их укладывать, и трупы заняли практически весь двор.

Соседи – кто-то эвакуировался, остальные умерли. Мы остались на этаже одни. Для отопления использовали сперва мебель, затем книги. У нас их было много, у отца – 3-е издание Ленина полностью. Всё это пошло в печь. Я долго не мог отдать на топку книгу «Белый вождь» Майн Рида, но, в конце концов, и она попала в печь. К слову сказать, у нас были дрова. Отец, уходя в ополчение добровольцем, завёз нам дрова, но, к сожалению, ими особенно не пришлось попользоваться. Их просто украли.

Основным добытчиком продуктов «питания» был я. Отец в бою под Кингисеппом был контужен и некоторое время находился на излечении в госпитале недалеко от Московского вокзала (в настоящее время этого дома нет). При встрече с ним я получил своего рода наказ сохранить семью: «Ты старший, ты отвечаешь за всех». Так как я рвался на фронт, он сказал, что придёт и мое время, на фронте непонятно, что происходит.

Его командира дивизии генерала Пядышева несколько позже расстреляют³. Это был героический человек. Он реабилитирован, но за что был арестован, неизвестно. Такие люди расплачиваются за чужие ошибки.

Итак, о семье: мама, тётя – нянька моя, брат и я — вот и вся моя семья. Остались мы живы, как я считаю, только лишь за счёт дисциплины и организации быта и питания. Всё, что получалось, что доставалось, делилось на два раза: утро и вечер. Всё, что я доставал, приносил полностью, не утаивая ничего! Даже голодного воробья сварили и «съели» сообща.

Мне «фантастически» везло. После того, как сгорели Бадаевские склады, удалось принести «хороший» кусок горелой сладкой земли, которую мы растворили в воде и процедили. Я разделил так, что каждому досталось по полстакана два раза в день. Всё ценное и вещи я обменивал на небольшой «толкучке» на столярный клей, дуранду, разные типы жмыхов, крахмал гнилого картофеля, и дважды мне удалось принести с Пискаревских сахарных складов выбивку из мешков.

---

² Тавот – солидол

³ Пядышев К.П. – генерал-лейтенант, в июле 1941 г. командующий Лужской оборонительной группой. Арестован во второй половине июля 1941 г., осуждён 17.09.1941 г. Скончался в лагере 15.06.1944 г. Реабилитирован 28.01.1958 г.

Конечно, это была грязь, но сахарная пыль там всё же была, а это – два солдатских заплечных мешка, кои я с большим трудом и опасностью принёс с Пискарёвки на Нижегородскую улицу.

За водой я ходил с нянькой на Неву к проруби. Таким образом, наполняли трёхведерную ёмкость, процеживали несколько раз и пили. Мне кажется, что это нас и спасло. Ведь дважды не выдавали хлеб, а потом получили мукой. Один раз, когда мы стояли трое суток с тётёй в очереди (поочерёдно), муку получить досталось ей. Открыв дверь в комнату, она упала, но муку не выронила. Мы с трудом ложкой открыли ей рот, влили туда болтушку, и она ожила.

Нормы выдачи продуктов стали увеличиваться, заработали столовые, где выдавались соевые и дрожжевые супы, витаминные напитки против цинги. Стало жить немного легче, но мама и тётя как-то стали вести себя неадекватно, что-то с ними произошло.

Я пошел в райисполком, туда, где отец ранее работал. Райисполком находился недалеко. О нас уже знали и практически эвакуационные документы были готовы. Отец опять находился в госпитале, который размещался в помещениях Мариинского дворца. Я догадался, что отец позаботился о нас. Вокзал был рядом, и в начале апреля мы эвакуировались, взяв с собой только самое необходимое: бельё, тёплую одежду и чемодан постельного белья, которое нам очень пригодилось в эвакуации. Но это уже другой разговор.

Печатается по изданию: *Моя блокада (документальные очерки)*. – М.: Издательство ИКАР, 2009. С. 187–193.

Две недели с начала войны

Ксенофонов Владимир Владимирович

Эту историю мне рассказала моя прабабка, Васильева Мария Ниловна (11.04.1889 –17.10.1984). Эта история относится к самым первым неделям Великой Отечественной войны, самым кровавым, героическим и неизвестным. Деревня, где испокон веков живут мои предки, называется деревня Липно Струго-Красненского района Псковской области.

Наша деревня расположена на возвышенности, откуда открывается великолепный вид вокруг на много километров. Рядом находится красивое озеро Кебь, из которого вытекает речка, называемая исстари Красный ручей. 11 июля 1941 года был жаркий, солнечный и тихий день. С начала войны

прошло всего две недели, но сводки с фронтов не говорили о чём-то угрожающем. Люди спокойно пасли скот, заготавливали траву, пололи огороды, занимались сельским хозяйством.

Неожиданно со стороны станции Новоселье на нашей дороге, соединяющей Новоселье с Цапелькой, появилась пешая колонна советских войск. Все в летнем обмундировании, в пилоточках, с винтовками-трёхлинейками через плечо. Бабы вышли к дороге, стали угощать солдат холодным молоком. Бойцы сказали, что их подняли по тревоге и перебросили сюда, и они идут воевать с немцами. Мой прадед среди командиров узнал своего дальнего родственника, и тот сказал, что у бойцов пока нет патронов – только у боевого охранения. Но патроны должны скоро привезти. И что окапываться им приказано прямо за деревней, по Красному Ручью. Как оказалось, солдат был целый полк.

Мой прадед, Васильев Петр Васильевич, воевал с немцем ещё в Первую Мировую войну. Поэтому он пошёл посмотреть, как будут окапываться бойцы. И вот тут начались страшные вещи: по дороге приехало несколько подводов с ящиками, в которых должны были быть патроны. Когда ящики открыли, в них вместо патронов оказались ... гвозди! То есть целый полк перед началом боевых действий оказался безоружен!

Командир полка, видимо, был мужественным человеком: он приказал свернуть оборону (уверен, что он понимал, чем ему это грозит), и стал отводить полк назад, в сторону Новоселья и далее на Струги Красные. В окопах на Красном Ручье было оставлено только боевое охранение, которым был назначен командовать родственник моего прадеда.

После обеда на дороге показалось облако пыли и раздался треск мотоциклетных моторов. Это пришли фашисты. Боевое охранение, оставленное нашим полком, обстреляло фашистов и обнаружило себя. Фашисты развернули минометы и с закрытых позиций обрушили огонь на наших бойцов. Часть наших бойцов погибла прямо в окопах, а семь солдат вместе с командиром смогли спрятаться в кустах и топких берегах озера. Немец 41 года был настолько нахален и уверен в быстрой победе, что даже не посчитал нужным прочесать местность. Вместо этого фашисты сели на свои мотоциклы и ворвались в деревню. Здоровенные, высоченные, мордатые, уверенные в своей победе и превосходстве, одетые в чёрные эссовские мундиры и с засученными по локоть рукавами, они первым делом стали стрелять собак и кур, а также стали ловить деревенских девок. Одна из девушек, спасаясь от преследовавшего её фашиста, вбежала прямо в наш дом. Фашист за ней. Моя прабабка закрыла девушку своим телом и стала кричать, что это её дочь. Фашист погрозил револьвером и выскочил из дома.

По деревне раздавались крики, стрельба и женский плач. Вдоволь повеселившись и настроив дичи, фашисты укатили на своих мотоциклах купаться на озеро. А ночью прадед привёл в наш дом оставшихся в живых красноармейцев, передел их в гражданскую одежду, спрятал оружие и

повел их через леса в сторону Луги. Прадед вернулся домой только через неделю. Он сумел по лесам вывести бойцов и командира к своим в район Лужского оборонительного рубежа.

Однако эта история имела для нашей семьи далеко идущие последствия: шила в мешке не утаишь, и об этом событии стало известно деревенским. Уже зимой 1941–1942 года, среди деревенских нашёлся предатель, который пришёл в управу и заявил, что Васильев Петр Васильевич – коммунист и первый председатель колхоза, что он вступил в партию ещё в Первую Мировую войну, и что он спасал красноармейцев от немецкого плена и выводил к своим. Одного того, что прадед коммунист, хватило бы на то, чтобы быть расстрелянным или повешенным на столбе. Однако иуде не повезло: в комендатуре, куда пришёл предатель, гражданским переводчиком работал эстонец Сикель (его фамилию в нашей семье никогда не забудут). По-видимому, он был советским разведчиком, внедрённым в гитлеровские оккупационные органы. Сикель с немецкими солдатами пришёл в наш дом и устроил обыск: перерыли всё – дом, гумно, сено, но ничего не нашли. Искали оружие. Моего прадеда и его старшего сына Ивана забрали в комендатуру. После этого Сикель с солдатами пришёл к предателю и устроил у него обыск. В доме предателя за печкой нашёлся портрет И.В. Сталина. За это предателя забрали в комендатуру и в качестве наказания за клевету назначили сто ударов палкой по пяткам. Три дня предатель болел и потом умер. А прадеду со старшим сыном Сикель сказал: «Будут ещё раз вызывать в комендатуру – сразу уходите в лес».

Прадед всю войну помогал партизанам, старший сын Иван работал потом в комендатуре и поддерживал связь с партизанами. Несколько раз каратели пытались уничтожить партизанский отряд, однако партизаны были неуловимы. Не последнюю роль в этом играло то, что партизаны своевременно узнавали, когда против них начнётся карательная операция. В 1944 году, когда советские войска перешли в наступление, немцы вывезли всех местных жителей в Прибалтику, а деревню сожгли. В 1945 году наших поместили в концентрационный лагерь на Земландском полуострове, где немцы держали упорную оборону. Каждый день и ночь летали наши самолеты над лагерем на боевые задания и бомбили рядом находившиеся военные объекты (фашисты старались строить концлагерь рядом со своими заводами и базами, чтобы обезопасить себя от налётов советской авиации). Многие наши самолёты сбивались в воздушных боях и огнём зенитной артиллерии. Однажды над лагерем разыгрался воздушный бой: советские истребители, сопровождавшие бомбардировщики, схватились с фашистскими самолётами. Один из наших ястребков был сбит и начал падать. Из объятый пламенем кабины выпрыгнул советский летчик. Парашют он раскрыл над самой землей и приземлился прямо перед женским баракком. Фашистская охрана на время бомбежки всегда пряталась по щелям в земле и прокараулила приземление советского пилота. Моя прабабка схватила ошарашенного пилота и втащила в барак.

Под одними из нар у заключенных был сделан схорон, куда и спрятали пилота, предварительно переодев в женское тряпье. Около двух месяцев, пока лагерь не освободили советские войска,

женщины прятали советского пилота и спасли ему жизнь. Надо понимать, что если бы немцы его нашли, то расстрел заключенных был бы неминуем.

В 1947 году, уже после войны, этот пилот-истребитель приезжал в нашу деревню, чтобы поклониться моей прабабке за то, что она спасла ему жизнь.

***

Эта история изложена по моим личным воспоминаниям и на основе рассказа моей прабабки Васильевой Марии Ниловны.

Печатается с сайта: www.world-war.ru

Павел Николаевич Лукницкий

Павел Николаевич Лукницкий (1900–1973) – русский советский поэт, прозаик, собиратель материалов об Анне Ахматовой и Николае Гумилёве.

Во время войны был корреспондентом ТАСС на Ленинградском фронте. Фронтовые дневники, которые Павел Николаевич вёл, легли в основу его книги «Ленинград действует...»

В конце февраля – начале марта 1944 года, следуя за наступавшими советскими войсками, П.Н. Лукницкий проезжал по территории современного Струго-Красненского района. Его дневниковые зарисовки красочно описывают состояние только что освобождённой территории, жизни в фронтовых условиях.

Ниже приведён текст главы тринадцатой из книги:

Лукницкий П.Н. Ленинград действует... – М.: Советский писатель, 1971.

По следам отступающего врага

На пути от Луги к Пскову. 67-я армия

29 февраля – 7 марта 1944 г.

В обстановке стремительного наступления

После выхода войск Ленинградского фронта к реке Нарве (2–3 февраля), после освобождения нами восточного побережья Чудского озера и – 12 февраля – Луги немецкому командованию стало ясно, что вся группа армий «Норд» на остающейся в её руках территории Ленинградской области оказалась под угрозой окружения, так как наступающий одновременно с востока наш 2-й Прибалтийский фронт уже подошел вплотную к Старой Руссе, к Холму и, освободив Великие Луки, взял 29 января Новосокольники.

Гитлер вынужден был дать войскам группы «Норд» (18-й и 16-й армиям) приказ: немедленно отступить к Пскову и к укрепленному району восточнее реки Великой. Боясь лесов, где повсюду был партизанский край, ведя ожесточенные бои с партизанами вдоль дорог, гитлеровцы с насиженных мест бежали, преследуемые Красной Армией, двинувшейся повсеместно с 18–22 февраля в новое наступление. К 1–3 марта это новое наступление было по приказу Ставки на главных направлениях приостановлено, так как наши коммуникации опять растянулись почти на две сотни километров, не хватало боеприпасов и нужно было подтянуть подкрепления. Гитлеровским войскам перед тем удалось закрепиться на новых рубежах – на внешних обводах перед Псковом и дальше на юг – восточнее реки Великой, к Новоржеву и далее – к Белоруссии.

Вот в этот период беспорядочного немецкого отступления гитлеровцы, оставляя за собой мёртвую «зону пустыни», не считаясь ни с какими, законами войны, принципами морали, человеческими чувствами, осатанев, бандитствуя с особенным изуверством, зверски истребляли, сжигали живьём женщин и детей в уничтожаемых ими населённых пунктах, расстреливали и мирное население, и – тысячами – заключённых в концентрационные лагеря военнопленных, и всех тех угоняемых в немецкое рабство людей, которых не успевали отправить дальше – в Германию...

В этот период я с частями стремительно преследующей врага 67-й армии находился в пути от Луги к реке Великой и к Пскову.

Три недели, считая от прибытия в Лугу, – с 23 февраля по 12 марта – скитался я по заваленным снегами полям и лесам лужских районов и Псковщины. Двигаясь то в кузовах грузовиков, то на

лафете пушек, на танках и самоходных орудиях, а больше всего – пешком, ночуя в снегу, среди тесно прижавшихся друг к другу бойцов, изредка проводя ночи в так же набитых людьми шалашах, в засугробленных подвалах исчезнувших изб или в застрявших на пути автофургонах, я, как великое чудо в снежной пустыне, встречал иногда уцелевшие отдельные избы или даже деревни, сохранённые кое-где в глубине лесов партизанами. Конец февраля и начало марта были морозными, дни – яркими, солнечными, снежные просторы – слепили глаза; ночи – ветренными и звёздными. Какая-нибудь разысканная под снегом траншея служила в такие ночи убежищем для рот и для батальонов, – предельно усталые и промёрзшие люди наваливались в них друг на друга, чтобы хоть чуть обогреться в невероятной давке. По утрам, когда солнце смягчало крепкий мороз, я порой раздевался на снегу догола, чтобы вытрясти из одежды иззудивших всё тело моё насекомых, от которых избавления никому не было. Но то, что я стремился увидеть, услышать, запечатлеть в своих полевых тетрадях и в своей памяти, представлялось мне таким нужным, важным, необходимым для всех грядущих времён истории, что, ни с чем не считаясь, я длил и длил дни этих своих блужданий, не в силах оторваться от всего волнующего меня, что встречалось ежечасно на моем запутанном, казалось, нескончаемом, пути.

Как великая милость судьбы, выпадали мне иной раз ночёвки на полу в переполненных людьми избах или на гурдах хвороста у армейских костров... Из того многого, что мне удалось записать в этом месяце, я публикую сейчас только очень малую часть.

Дорога на Псков

29 февраля

Я в пути, – «голосую», пересаживаясь на что придется.

Дорога на Псков – прямое, широкое, асфальтированное, заваленное сейчас разрыхлённым, грязным снегом шоссе. Как принимает притоки большая река, так это шоссе принимает в себя множество узких проселочных дорог и тропинок, выходящих из глубины дремучих лесов. Там, в лесных деревнях и сёлах, хозяевами уже давно были партизаны.

Сила лесных жителей с каждым днем росла. И наконец, под напором Красной Армии, истребляемые партизанами, немцы побежали к шоссе, потекли по нему вспять, к Пскову, сплошным разношёрстным потоком. Их бомбила с воздуха советская авиация, их настигали наши танки и артиллерия, их изничтожали с флангов соединяющиеся в лесах с партизанами наши армейские лыжники и пехотинцы.

Обречённые на гибель «завоеватели» жгли дотла деревни, сжигали в избах не успевших укрыться в лесу крестьян. Взрывали мосты, закладывали под полотно шоссе фугасы, уничтожали

линии связи, насыщали минами каждый метр оставляемого ими пространства. Почти все деревни и сёла, стоявшие на самом шоссе, исчезли. Вдоль обочин шоссе чернеют обломки машин и замёрзшие, закостенелые трупы гитлеровцев... Сожжённое до основания Милютино... Цветущим было это большое село Милютино. Издали кажется: цело оно и сейчас. На высоких берёзах покачиваются скворечни. Сквозистые плетни делят село на ровные прямоугольники. Тонкие журавли поднимаются над колодцами. По задам села, стоят бани. Но въезжаешь в село – ужасаешься: в нём нет основного, нет ни одного дома. На их месте – квадратные пепелища, груды рассыпанных кирпичей. Жить негде. Зона пустыни!

Берёзовая аллея на Большие Лъзи. На объезде впереди застряла машина. Её облепили, как муравьи, вытащили, вынесли на руках. А я пока разговаривал с девушками. Они – скрывавшиеся в лесах жительницы деревень Большие Лъзи и Малые Лъзи. «Правда ли, что у вас сожжены живьем люди?» – «Правда! Сто тридцать человек, семьями в обеих деревнях. Даже кошек на заборы вешали, обрубали хвосты, расстреливали!.. А мы чудом живы!»

...Николаевка⁴ – ни одного дома, разорённая церковь, дорога на Уторгош. Щирск – сожжён совершенно. Терebuни сожжены. Хредино тоже. Вот – река, пробка, пушки. Переправа. Деревня Заплюсье. Из сорока трёх домов сожжено сорок. Карательный отряд действовал две ночи, на Рождество. Угнали в Германию девушек и ребят.

Везде следы боёв, взорванные мосты, объезды – по фугасным воронкам. Разбитые танки и орудия. Собранные лыжи. Надписи: «С дороги не сходить, мины!» Остатки автомашин. Идущие к фронту наши тягачи с огромными (202-миллиметровыми) пушками – их много. Бегущие грузовики...

Плюсса, Порховщина, Псковщина

Область сплошных пепелищ... Та часть населения, которая уцелела в лесах, возвращается, – тянутся в одиночку по дороге, со скарбом за спиной. Тянутся пешком и красноармейцы. Но большие участки дороги – пустынно, безлюдны...

Плюсса – полуразрушенная, полусожжённая. Взорванный мост. Поиски дороги, среди руин и пепелищ. Нет людей, кто указал бы. Хожу взад и вперёд, ища. Разрушенные, прогорелые каменные дома. Безлюдно везде. Одинокий старик, роющийся в ломе. Указал дорогу. Иду, отчаиваясь от усталости, в одиночестве – по мёртвой дороге. До совхоза «Курск» – пять километров. Берёзовая аллея, разбитая дорога, лесистые бугры и холмы, живописная местность. В совхозе та же полная неопределённость: где, кто, что... Группа красноармейцев, офицер. Узнаю:

---

⁴ Имеется ввиду деревня Николаево, ныне Феофилова Пустынь.

67-я армия идёт в обход Пскова с левого фланга, занимать Псков должна 42-я. Но где КП5 и как туда добираться, никто не знает. Ближайший, 116-й корпус – километров за пятьдесят, в совхозе «КИМ». Приехавший оттуда рассказывает: вчера, 28 февраля, в семи километрах от совхоза разорвавшейся бомбой уничтожена редакция газеты 224-й дивизии. Передовые подразделения уже в двух десятках километров от Пскова. Противник ещё позавчера оторвался. Он на всём участке фронта нашей армии оторвался. Это – сквернейший признак. Пленные плетут всё то же: «Гитлер приказал – 27-го к вечеру всем отойти на Псков». Так и сделали.

...Вот у совхоза «КИМ» место гибели редакции: искореженные автомашины, вдребезги разбитый печатный станок. Кругом валяются книги, газеты, лежит окровавленный тюк бумаги. А вокруг ещё фашистские листовки. Вчера, часов в шесть вечера, налетело двадцать пять самолётов, человек сто двадцать ранено, несколько десятков убито... В пути все деревни сожжены. И давно уже: с октября, с ноября... В Городце осталась только церковь. 23 февраля поп первый вернулся из леса в церковь со звонарем: «Сегодня день Красной Армии, нас освободила Красная Армия, давай звони сильнее!» И закричал красноармейцам: «Теперь я в Красной Армии?» – «Да!» – «Тогда фронтную норму – сто грамм давай, полагается и мне!» – «Нельзя без приказа АХОб». – «Ну если АХО, приказы, то идите без всяких АХО ко мне!» Раздобыл запряженный самогон, налил всем.

2 марта

Деревня Гривцово

Сию в попутном грузовике, – куда едет, не знаю: «Вперед!» Только уехать бы... Жители, детвора стоят, слушают гармонь, песню: «Ты ждешь, Лизавета, от друга привета...» С каким чувством они глядят на нас! Ещё недавно отсюда уходили немцы. Сейчас провожают нас, своих, Красную Армию, слушая родные песни, которых не слышали два с половиной года!

...Еду на «большак» Луга – Псков. Еду не по прямому направлению, а так – куда есть оказия!

В пути читаем на ходу армейскую газету, узнаем новости. Сообщение Информбюро о форсировании реки Нарвы (значит, там была неудача и это – второе форсирование?) и о пересечении нами железной дороги Псков – Идрица...

Позже узнаём о переговорах с Финляндией, обсуждаем на ходу...

---

⁵ КП – командный пункт.

⁶ АХО – административно-хозяйственный отдел.

Здесь сейчас новости таковы: передовые части 67-й армии уже южнее Пскова, задача – сегодня перерезать железную дорогу Псков – Остров – выполняется. 42-я армия – в шести километрах от Пскова.

67-я армия не встречает сопротивления – только заслоны. Стремительно продвигаясь, части 67-й вчера и сегодня начали встречать огонь сопротивления (в Юдино и пр.), при подходе к железной дороге Псков – Остров, зайдя южнее Пскова уже километров на тридцать пять.

8-я армия, по сведениям только что приехавшего оттуда офицера, уже форсировала пролив между Чудским и Псковским озёрами и идет на Тарту. Псков окажется окруженным, если сильное сопротивление, которое ожидается у реки Великой, будет быстро сломлено. Сегодня-завтра должна пасть Нарва. Она уже обойдена.

События стремительны. Здесь на дорогах полная неразбериха, всё течет, всё в движении...

Местность по пути сюда – бугры, холмы, леса, поля, болота, всё перемежается. Живописно!

Вокруг ряд деревень сожжен ещё осенью. По пути сюда от шоссе Псков – Луга мы свернули от Новоселья влево на Порховскую дорогу и сразу попали в сплошной поток машин – движется 67-я армия. Тягачи со 152-миллиметровками и прочими тяжёлыми системами идут десятками, дорога узка, пробки, остановки, наезды, объезды... Провалившаяся пушка у деревни Хредино. Эта деревня уничтожена. У Поддубья – следы боя, длившегося весь день, воронки, трупы немцев и прочее... Сворачиваем на дорогу к Заболотью... Псковичи – и говор псковский!.. Деревня Заболотье, освобожденная Красной Армией 26 февраля. Цела, не тронута немцами, не успели!..

Сегодня я ехал то на грузовике, то на передке орудия (а сначала даже верхом на его стволе, пока люди не потеснились на переполненном передке). Один из армейских корреспондентов на днях, рассказали, погиб: вот так же оседлал пушку, да упал с неё, был раздавлен.

Ехал семь с половиной часов – с половины двенадцатого до семи. Сейчас десять вечера, пишу стоя (сесть некуда, изба набита до отказа). Неразбериха во всём: штаб, едва разместившись здесь, переезжает уже дальше – под Карамышево.

И растёт из рассказов детей и их матери летопись страшного быта этой деревни. Прежде здесь был полеводческий колхоз «Промзаболотье». Хорошо жили. Немцы заняли соседнее село. Обложили деревню поборами: хлеба двадцать пудов с га, с каждой коровы в год пять пудов мяса да шестьсот литров молока; с каждой курицы тридцать яиц. Не вытянешь этой нормы, не сдашь немцу вовремя – являются на машинах каратели, жгут деревню. Так сожгли они десятки деревень окрест.

Куда ни глянь, всё горело, колыхалось все небо от заревищ!

И бежали погорельцы в лес, рыли там землянки, ютились в них голодные и холодные.

3 марта. День.

Заболотье

Бесчисленные беды – в рассказах местных, выбирающихся из лесов жителей этой деревни, ещё двух оставшихся целыми деревень и тех скитальцев-погорельцев, которые уцелели в радиусе с десяток километров. Уцелели немногие. В Горках, в Хохловых Горках, в Шилах – люди расстреляны. В Овинцах – сожжены живьём в запертой избе... И о том, как грабили, как две зимы гоняли старых и малых на непосильные работы и как увозили в Германию... Только немногим, выпрыгивавшим из поездов, удалось бежать! И как таились в землянках, в овинах, в сене и, глядя на свою пылающую деревню, рассуждали: «Деревеньку не жалко, только сами бы остались, скорей бы наши пришли».

«Вокруг нас, в один круг спалены...» – и, перечислив десятка три названий, женщина с горькой усмешкой махнула рукой!

Пустынна разорённая Псковщина! Редко-редко среди пепелищ и заметённых снегом развалин найдется сохранившаяся изба. В такой избе всегда много народу. Кроме вернувшихся в неё из лесов хозяев в ней ютятся обездоленные соседи, дети-сироты, вынесенные добрыми людьми из пожара, подобранные в сугробах на лесных дорогах; одиночки, бежавшие с фашистских каторжных работ куда глаза глядят – в лес...

У кого-либо под погорелой избой сохранились не найденные немцами, зарытые в землю картошка или капуста. Владелец выроет их сейчас, вынесет для всех: «Кормитесь, родимые, всем миром!»

Через деревню, которая осталась только на карте, проходит, грохоча тягачами, влекущими тяжелые пушки, Красная Армия. В избе уже ступить некуда – десятки усталых людей вповалку спят на полу. Но жители заывают всех: «Зайдите, родненькие, обогрейтесь хоть малость, тесно у нас, да ведь всё свои, уж съедемся как-нибудь!..»

Среди бойцов, единственное желание которых поспать под крышей хоть час, всегда найдутся такие, кто, пренебрегая необорной усталостью, захочет порасспросить хозяев о том, как те пережили немца. На жаркой русской печи, уместившей в тот час две-три семьи, или в каком-нибудь дощатом закуточке, приспособленном под жильё, заводится большая беседа. Говорят спокойно, сосредоточенно. Только иногда в беседу внезапно ворвутся горькие слезы какой-нибудь женщины, не сдержавшей душевную боль: зарыдаёт она, прижимая к глазам подол.

Но сквозь горе, и слёзы, и сдержанный гнев, и беспредельную, сжигающую всю душу ненависть к оккупантам проступает в глазах у всех освобождённых от немецкого ига людей одно замечательное, прекрасное чувство – чувство гордой и чистой совести. Гитлеровцы делали всё, чтобы превратить советских людей в рабов, чтобы забить, заглушить в них всякие признаки собственного достоинства, патриотизма, взаимоподдержки, чтоб лишить советских людей веры в непобедимость русского народа, надежды на освобождение. Ярой пропагандой, угрозами, насилиями, пытками, казнями стремились фашисты терроризировать местное население, держа его в вечном страхе за жизнь. Но советский народ оказался крепче железа в своей неподкупной стойкости.

– Много ночей не спала я! – говорит крестьянка Ксения Семёновна Дмитриева в деревне Заболотье. – Видишь, деревни кругом горят, думаешь, и нам погибель. Кричали немцы повсюду, каждый день в газетах своих печатали: «Советского войска нету, все перебиты, а кто остался, то раздемши и разумши, голодные, и танки у них фанерные», – нечего, мол, надеяться! У кажинного человека наболело сердце от этих слов. А всё-таки не верили мы, не верили, журчались меж собой: не может того быть! Пришли вы, дорогие, и видим мы: сытые вы, краснощёкие, в валенках и полушубках одетые, пушкам у вас числа нет – силища! Хорошо теперь на душе, что мы немцам не верили!

– А целы мы почему? – добавляет Маня, худенькая дочь Ксении Семёновны. – Не могли проклятые нас угнать на работу, никто из деревни не угнан. А не могли потому – чуть немец приблизится, всей деревней в лесу укрывались. Не от кого было немцу узнать о нас: не нашлось в нашей деревне предателей, так и прожили без полицаев мы... Дружно противились вражьей силе!

Гордость в глазах девичьих – гордость за всю деревню.

В неприкосновенной деревне

4 марта

Деревня Залазы

Вчера на «додже» танкового полка за два часа пути удобно и легко проехал сюда, в деревню Залазы. Здесь стояли штабы трех партизанских отрядов: Сергачёва, Белова, Антипова, стояли с осени 1943 года. Деревня цела, невредима – необычайная деревня: поют-заливаются петухи, слышу их голос, отдыхая в доме двадцатисемилетней хозяйки Марии Васильевны Павловой, которая сейчас топит печь, чтобы стирать мне бельё и готовить обед.

Деревня в белых сугробах. Вокруг раздольные поля и холмы. Вековечные леса. И над речкой, вся в берёзах, мирная деревня. Крепко сложенные, с резными крылечками избы, маковка старинной часоуенки, крытые соломой амбары. В избах – занавески, прялки, пологи у широких кроватей.

В избе Маруси Павловой стоят пядьцы, стены оклеены немецкой, издававшейся на русском языке газетой «За Родину». В стенах есть гвозди, на которые можно вешать одежду. За чистым пологом в избе – кровать Маруси. На стенах пучки сухих полевых цветов, ячменя, ржи; литографии в рамках. Фотографии: краснофлотец, и красноармеец, и ещё двоюродный брат Маруси – он в партизанах...

– Краснофлотец – товарищ брата. Ихний корабль разби́ли, утонуло триста, а двести выплыло, и его, Ваню, взяли в плен, в Псков, а он бежал, ушёл в партизаны, и его убили немцы... А братишка – Саша Павлов выплыл и попал в Сорок третью дивизию (и в плен не попал!) и сейчас опять в Красном Флоте!

Войны здесь словно и не было. После стольких, ужасов, что сопровождали наш путь сюда, удивляешься: как могла сохраниться в неприкосновенности славная деревенька эта на разорённой немцами Псковщине?

Пересечём поперек клин между двумя сходящимися шоссе... Свернем с Лужского шоссе к югу по узкой лесной дороге. Первые пятнадцать километров по ней – всё то же: бездыханные пепелища. Но дальше, у деревни Хредино, в снегу лежат окоченелые трупы гитлеровцев, а сама деревня сгорела только наполовину. Или свернём навстречу с Порховского шоссе к северу. После многих испепелённых сёл – целая деревня Большие Павы.

– Партизаны в Черевичах, – рассказывает Маруся, – выгнав оттуда немцев, говорили: «Наши головы складём, а в Павы врага не пустим!.. Около Пав много немцев, с сотню, около ограды побиты, не допущены...»

В Залазах был молокозавод. Маруся пять лет работала на молокозаводе. Живет одинокая... Три месяца кормила партизан, отдала им все свои запасы – двенадцать пудов картошки, четыре пуда скормила, капусту, огурцы... Рассказывает о действиях партизан.

Розово-белая, нос пуговкой, некрасивая, коренастая, говор акающий. Девушка честная, прямая, хорошая...

Ни с севера, ни с юга не проникли немцы в заповедный район, и в нём сохранялась и сохранилась жизнь – своя, особенная, советская... Здесь были старосты, но эти старосты, ездя по вызовам в немецкие комендатуры, обманывали немецкую власть и, привозя в свои деревни письменные угрозы и требования гитлеровцев, смеялись вместе с населением над вражескими приказами:

«Немцы опять требуют людей на работу, требуют скот, картофель, зерно. Пусть сами придут и возьмут!»

Немцы пробовали не раз. Но безуспешно...

По ночам жители Пав и Хредина видели зарева пожаров над Псковом. И по всему кругу необъятного горизонта поднимались такие же зарева. А здесь, в этом дивном снежном оазисе, всё было по-прежнему тихо и благополучно.

Кто же совершил здесь это великое чудо спасения?

По улочке верхом, с винтовкою стволom вниз, медленно едет румяная девушка. В её меховой шапке – накось красная ленточка. На ступеньке крыльца, широко разводя мехи баяна, сидит весёлый парень. В его шапке-ушанке такая же красная ленточка. И другие вокруг – старики, молодежь – все с красными ленточками. Сморщенная старушка принимает повод у всадницы и со слезами целует её: «Спасибо вам, милые, спасибо, родненькие! Великое счастье нам, упасли вы нас от нечистой силы!»

Кузнец из соседней деревушки Прит, Алексей Дмитриевич Белов, первый собрал молодежь, первый организовал здесь партизанский отряд. За ним поднялись другие деревни, десятки возникших в лесах партизанских отрядов слились здесь в одну великую силу – в твердыню народных мстителей. И в узком клине между сходящимися в Пскове шоссе немцу не стало житья. Мнившие себя господами гитлеровцы, обладатели танков, пушек и авиации, оказались бессильными перед волею непокорённых и гордых псковитян, у которых, кроме ручного оружия да великой любви к Родине, кроме стойкости и прекрасного мужества, другого оружия не было. Кудахчет курочка на насесте в деревне Залазы. Резвится на улице румяная детвора. Украшено елочками братское кладбище партизан, убитых в боях за родные деревни. Гигантские дальнoбойные орудия Красной Армии тянутся сквозь деревню, поспешая к бою за древний Псков. И радостные жители зазывают красноармейцев испить молока да отведать печёной картошки в жарко натопленных чистых избах.

Маруся спала за пологом, на своей кровати, но без матраца, на соломе, без подушки, не раздеваясь. «Так привыкла» за эти два года. Две подушки закопаны в землю, в ящике, вместе со всем имуществом, но сейчас много снега, не раскопать. Так закопано имущество всех жителей этой деревни, да и скольких городов и сёл Руси! В двух с половиной километрах отсюда ещё и сейчас живут в «окопах» (как называют крестьяне свои землянки в лесу) жители нескольких сожжённых деревень. Марусе не во что переодеться, у неё не осталось ни тарелки, ни курицы... «Я же говорю, у меня не было ничего! – смеётся она. – А мне весело, потому что в деревню мою немцы не заходили. Весь мой хлеб скормила я партизанам, всё имущество перетаскала им в лес сама. Такое было мое решение: всё, что есть, до мелочушки отдать партизанам, только чтоб

отстояли они деревню. Спасибо им, не пустили немцев! Теперь у партизан я в вечных друзьях – всё везут мне из леса, не стыдно мне и принять!..»

5 марта

Деревня Залазы

... Маруся варит суп из моей крупы, своей картошки и сала, полученного от красноармейцев. День солнечный, солнце освещает снега, гололедица. Вдоль по улице стоят несколько машин и одинокая «катуша». На шесте посреди деревни большой красный флаг. А под ним – пирамидка с красной звездой и надписью:

«БРАТСКАЯ МОГИЛА НАРОДНЫХ МСТИТЕЛЕЙ,
ПОГИБШИХ В БОРЬБЕ ПРОТИВ НЕМЕЦКИХ ОККУПАНТОВ.
ПОЛЯКОВ
КАМЕНЕВ
НИЩЕТА
ГАВРИЛЮК
1944»

Сегодня, беседуя с жителями, узнал я, что, однако, горькая доля досталась и многим жителям этой деревни.

Несколькими месяцами позже, когда возле деревни Залазы организовался партизанский отряд, эта история уже не могла бы случиться.

Но 17 мая 1942 года, когда в деревню Залазы волостной старшина Фёдор Быстряков прислал свой черный список, жители маленькой деревни не нашли способа отвести от себя беду.

Староста созвал всех на собрание. Староста объявил, что по повелению коменданта шестнадцать девушек и парней деревни к полудню следующего дня должны явиться в Струги Красные, в комендатуру, откуда будут отправлены на работу в Германию.

– «Тюрина Нина, Сурикова Мария, Михайлова Зинаида, – начал читать староста список, и его голос звучал как поминовение усопших, – Шиткина Мария, Филиппова Екатерина, Харитоновна Екатерина – одна, Харитоновна Екатерина – другая, обе пойдут... Лишина Антонина, Никифорова Мария, Морошина Зинаида...»

По мере чтения списка среди собравшихся усиливались рыдания, возгласы возмущения, отчаяния и мольбы, но безучастный староста продолжал читать:

– «Тимофеев Василий, Тупицын Василий, Цапкина Анна, Амосов Александр, Кежова Александра, Секизын Михаил...» Все! Шестнадцать человек! – удовлетворённо закончил староста. – Каждому взять котелок, ложку, две пары белья, подушку, одеяло, продуктов на три дня. Предупреждаю: если кто вздумает уклониться или бежать, пеняйте на себя, придут немцы, расстреляют ваши семьи, а деревню сожгут. Вопрос ясен? Собрание объявляю закрытым. Расходишь по домам!..

Всю ночь не спала деревня. Всю ночь разносились стенания матерей, негодующие голоса мужчин. Несколько стариков, не дожидаясь рассвета, отправились в волость, таща за собой коз и овец, чтоб умолить волостного не продавать их дорогих детей немцам.

Волостной взял приношения, обещал обмануть коменданта, сказал:

«Только пусть придут в Струги Красные, а там уж сговорюсь с немцами, сделаю!»

Волостной лгал. Но ему не хотелось отказываться от овец и коз.

Утром 18 мая, нагрузив жалкий скарб на подводу, шестнадцать обречённых на каторгу юношей и девушек, провожаемые населением деревни, двинулись по узкой лесной дороге. В деревне Хредино народ простился с безмолвствующими шестнадцатью. Дальше идти всем народом было опасно. Пошли только ближайšie родственники.

К двенадцати часам дня печальная процессия подошла к станции Струги Красные. Огромная площадь была заполнена людьми, пришедшими из других деревень. На путях стоял длинный эшелон – телячьи вагоны. Вооружённые автоматами, немцы ровно в полдень стали загонять отправляемых в вагоны, отрывали цепляющихся за своих детей стариков и старух, отгоняя их плетями и прикладами. Задвинулись двери вагонов, защёлкнулись висячие замки. Гудок паровоза был заглушен рыданиями сотен людей. Поезд тронулся...

Вскоре в лесах района организовался первый партизанский отряд. Вся оставшаяся в деревне Залазы и в других деревнях молодёжь пошла в партизаны. Ни один немецкий карательный отряд не мог с тех пор пробиться к восставшим против насильников деревням. Партизаны вели жестокие бои и сохранили свои деревни до прихода частей Красной Армии. Волостной старшина Фёдор Быстрыков был пойман партизанами, судим и повешен в деревне Лежно.

Со дня ухода того печального поезда прошло двадцать месяцев. Несколько дней назад в деревню Залазы вступили первые, усталые от преследования врага красноармейцы. И сейчас я беседую в избе со старой колхозницей Ольгой Ефимовной Тюриной. На столе лежит десяток открыток с марками, изображающими ненавистного Гитлера. На каждой открытке стоит штамп: «Густров. Мекленбург» – и штамп германской цензуры. Открытки написаны карандашом, беглым, неровным почерком. И в каждой открытке неизменно повторяется всё одна фраза: «Живу хорошо, кормят

хорошо, хозяева хорошие». Эта фраза стандартна, как печатный штамп. Больше ни слова не говорится в открытках о жизни несчастной девушки Нины Тюриной. И только раз сумела девушка намекнуть, какова ее жизнь: «Я жива...» – написала она и зачеркнула написанное и написала дальше: «Я пока ещё жива... Я живу хорошо, но опухли ноги...»

Ольга Ефимовна, в слезах, рассказывает: когда девушек отправляли, те договорились с родными, что если хорошо будет, то и писать из неволи будут: «хорошо». А если плохо, то писать слово «хорошо» несколько раз или «хорошо, да не дома».

Получили позже открытки со штемпелем «Rostock – Neustadt, Bahnpost». Читаю другие открытки:

«...Сообщаю вам о том, что я пока ещё жива и здорова, жить пока хорошо, кормят тоже хорошо, жить хорошо... Матушка, платья у меня уже потрепались...»

Неизбывная тоска пленницы так и льется из других присланных ею строчек:

«Дорогая матушка, я очень рада, что вы ещё все там живы и здоровы. Получишь письмо, что с того свету, и рад и не знаешь, что сделать. И с радости или с горя поплачешь, – вы-то хотя на своей стороне, а я-то где-то далеко залетевши от вас, и не вижу, и не слышу вашего голоса уже пятнадцать месяцев. Поглядела бы на вас хоть с высокой бы крыши...»

Ольга Ефимовна плачет. И, всё рассказав о дочери, сквозь слёзы заводит рассказ о своем сыне Коле, который вместе с партизанами бил немцев, не допустил их к деревне Залазы и сейчас раненый лежит в госпитале.

Последняя весточка от дочки была от 30 июня 1943 года...

Собрались в избе женщины. Ольга Ефимовна – в русских сапогах, в рваном зипуне, обрамленное платком крестьянское морщинистое лицо, голубые глаза, поёт, утирая большой грубый нос, сочиненную Марусей песню, а другие женщины подхватывают:

Сошью платьице себе я в талию,
Был весной набор, набор в Германию.
Был весной набор, уж снега таяли,
Тогда девочек наших отправили...
Когда матери с ими прощались,
Слёзом горьким обливались,
На небе были звёзды ясные,
Приезжали они в Струги Красные..

Шли по Стругам они, торопились,
В вагон телячий они садились...

Длинная, жалостливая песня!.. А в Стругах Красных была немецкая комендатура!

Если бы не партизаны, ни одна из этих, поющих песню женщин, вероятно, не уцелела бы!

6 марта

Деревня Конышево

После четырёх часов езды, только что, в полдень, приехал сюда на одном из шедших колонной тяжёлых грузовиков.

Был ясный мартовский рассвет, чудесные тона, белизна снега, наледь наезженной дороги. Пять деревень партизанского края – Павы, Воробино, Смена, выселок Клин и Поддубье – сохранились в неприкосновенности. Дальше, начиная от сожженного Заречья, выехав на простор из глубины лесов, не видел ни одной сохранившейся деревни, ни одного дома – только белый саван снежной пустыни.

Между Поддубьем и Заречьем по буграм и холмам равнины двигалась нам навстречу, растянувшись километра на три, партизанская бригада. Молодые парни, девушки, здоровые, краснощёкие, шли пешком. Большинство в разномастных полушубках, другие в зипунах, ватниках, пальто, куртках. Разнообразные винтовки, у всех – стволом вниз. У иных – автоматы. Немного всадников, хорошо снаряжённых, несколько девушек-всадниц. Обоз – сани, розвальни, на соломе сидят и полулежат. Красивое зрелище на фоне только что взошедшего позади нас солнца!

На шоссе выехали у Дубровно, от которого осталась только аллея пышных, заснеженных берёз. Началась безлесная, холмистая равнина. Движения машин почти нет... Небо заволочло молочно-белым туманом, всё тонет в нем. Из белой глади торчат куски изгородей. Обозначенных на карте деревень Путилово, Ямкино – нет. Даже деревьев и печных труб нет. В саване пустыни вдруг – женщина с ведрами, одинокая, возникшая на фоне молочной дали. Она исчезает в снегу, будто провалившись под землю, – в подвал несуществующего своего дома. Это – деревня Кляпово.

Всю дорогу попадаются заледенелые трупы гитлеровцев, вдавленные машинами в снег, и заметённые у обочин конские трупы, – красные пятна на чистом снегу.

Кое-где – разбитый немецкий трактор, танк, перевёрнутые остовы машин... От деревни Загоска – только деревья да реденькие плетни. Какая-то воинская часть ютится у костров...

Перед былой деревней Стожинка дорогу и равнину пересекает высокий сосновый лес – мачтовые деревья массивом в два километра. И эти два километра – сплошной завал из спиленных огромных деревьев. Теперь деревья отодвинуты от дороги, шоссе проходит между двумя зелёными валами ветвей. В завале потерялись несколько разбитых немецких автомобилей...

И дальше холмистая равнина чередуется с сосновым лесом, уже не крупным, обыкновенным, а местами – с курчавым сосновым молодняком, густым, зелёным, как исполинский мох.

И всюду, где лес, – завалы, завалы, завалы, расчищенные посередине шоссе. Они тянутся почти сплошь, до поворота на Углы. Навстречу нам на санях едет по этой пустыне крестьянка с девочкой на руках. А на повороте – немецкий танк, который был поставлен, чтоб простреливать дорогу на Углы. Возле танка хлопочут наши танкисты.

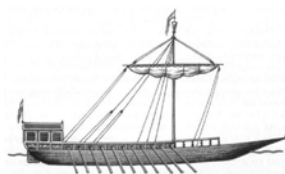
Погорелье – деревушка Баклаба – тридцать восемь километров до Пскова. Сожженные Углы, несколько жителей в подвалах.

Сворачиваем на Вески, Карамышево: десять дворов, полтора десятка весёлых ребятишек. Деревушка цела потому, что рядом в лесу стояла 3-я партизанская бригада – спасла.

Туман рассеялся, яркое солнце, голубое небо, ослепительный снег, сверкающие снегом деревья...

...А сейчас я – в Конышеве (девять дворов) Карамышевского района, – деревушка не видела немцев всю войну, потому что рядом в лесах и в самой деревне накрепко встали партизаны, а до прихода партизан население при первой тревоге укрывалось в лесах, куда немцы соваться не решались... Перед отступлением здесь был бой: враги пытались бежать через лес и деревню, партизаны дрались с ними целый день, не пропустили. Уцелевшие гитлеровцы бежали в другую сторону...

Партизанская «автономия» была на десять – двенадцать километров в окружности. Когда немцы бросили сюда крупные силы, партизаны 3-й и 7-й бригад уходили в район Струг Красных. Оказывается, часть завалов, которые я видел в пути, сделаны ещё до отступления немцев местным населением, охраняемым партизанами, враг наскакивал на них танками, но и задерживался, а партизаны, пряча население в лесу, отбивали танковые атаки. При отступлении немцы пытались расчистить завалы, чтобы пропустить свои обозы, наших обстреливали со стороны Дубровно, но партизаны с боем захватывали обозы.

Представители семьи Романовых на Струго-Красненской земле

Иванова Ирина Алексеевна

Струго-Красненский район

Большая часть Струго-Красненского района до 1917 года входила в состав Гдовского и Лужского уездов Санкт-Петербургской губернии, по его территории проходили крупные тракты, а затем и железная дорога Петербург-Варшава. Благодаря этому, а так же близостью к столице здесь были расквартированы воинские части проходили маневры. На территории района имелись леса богатые дичью и другими природными дарами, много церквей. Все это способствовало неоднократным поездкам членов семьи Романовых сюда, что способствовало развитию данной территории.

Екатерина II.

Екатерина II 8 января 1787 года по пути в Крым проехала по территории современного Струго-Красненского района. Поездка императрицы в «полуденный край» носила официальный характер, преследовала государственные цели и активно освещалась в газетах того времени.

В 1780 году во время переговоров российской императрицы Екатерины II с австрийским императором Иосифом II возникла идея о путешествии по различным губерниям России, в том числе и в Крым, который после Кючук-Кайнарджийского мира перестал быть союзником Османской империи с 1774 года.

В 1783 году русские войска вошли в Крым. Хан Шахин Гирей отрёкся от престола. 8 апреля 1783 года Екатерина II издала манифест, по которому Крым, Тамань и Кубань становились русскими областями.

С 1784 года началась подготовка к путешествию императрицы. 13 октября 1784 года светлейший князь Григорий Потёмкин отправил к бригадиру Синельникову ордер о приготовлении на различных станциях известного числа лошадей, о местах, где во время путешествия будут обеденные столы, о дворцах, которые должны строиться по определённом рисунку, о квартирах в городах для свиты императрицы и т.д.

2 марта 1786 года Екатерина писала генералу Н.П. Архарову о своём желании осмотреть разные губернии в начале 1787 года. В августе 1786 года Екатерина известила императора Иосифа о своём предприятии и пригласила его встретиться с нею на юге России. В разговоре с посланником в Петербурге графом Сегюром Екатерина заметила, что предпримет путешествие не для того, чтобы видеть города и области, по планам и описаниям ей довольно хорошо знакомые, но чтобы видеть людей и доставить им возможность видеть императрицу, приблизиться к ней, подавать ей жалобы и этим поправить многие неудобства, злоупотребления, упущения и несправедливости.

Приготовления к путешествию были грандиозными. На станциях, где не положено было дворцов, устраивались галереи и приготовлены были «приличные напитки и прибор». Для надзора за людьми и содержанием лошадей определены на каждую станцию несколько дворян. На каждой станции должны были находиться плотник и кузнец с инструментами. В городах нужно было устроить по 25 квартир для свиты императрицы. Во всяком дорожном дворце было приказано приготовить по 500 плошек, 10 фонарей и 6 пустых смоляных бочек. По обеим сторонам дороги вечером пылали костры. Все вновь построенные дворцы и помещения, в которых императрица останавливалась, были снабжены новой мебелью.

В субботу 2 января 1787 года в Санкт-Петербурге было необычайно оживлённо. При большом скоплении народу, после молебна, в грандиозное путешествие «в полуденный край» Российской Империи отправилась невиданная по числу участников и

роскоши экспедиция во главе с Екатериной Великой.

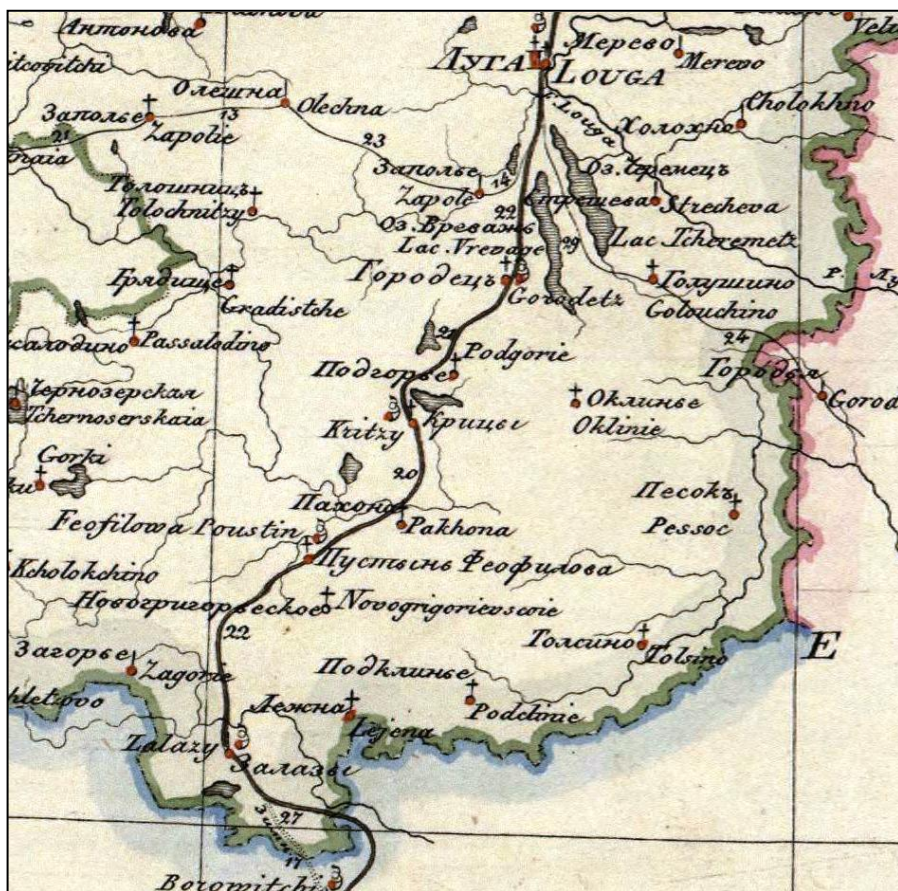
Императорская свита составляла около трёх тысяч человек. До

Киева путешественники ехали в 14 каретах, 124 санях и 40 запасных экипажах. Екатерина II ехала в карете на 12 персон, запряжённой 40 лошадьми.

На пять дней императрица задержалась в Царском Селе и отправилась в дальнейший путь лишь 7 января.

Мороз был значительный и доходил до 17°.

Иностранцы удивлялись прекрасной

зимней дороге, быстроте движения и великолепию освещению на пути. Императрица обыкновенно вставала в 6 часов утра, принимала министров и секретаря, а затем иностранных посланников. В 9 часов отправлялись в дорогу и ехали до двух часов дня.

После обеда ехали до 7 часов вечера. Вечером Екатерина снова беседовала с иностранными дипломатами или играла с ними в карты. С 9 до 11 часов занималась государственными делами. Строгие формы этикета во время поездки не соблюдались.

В Рождество был обеденный стол. В половине седьмого часа, вечером императорский кортеж прибыл в город Лугу, где был ночлег.

Выехав утром 8 января 1787 года из Луги и проследовав через Городец и Заполье, экспедиция въехала на территорию современного Струго-Красненского района и остановилась в селе Феофилова Пустынь, где был устроен обед. Чуть ранее трёх часов дня императрица изволила продолжить путь, проезжала мимо деревень: Велени, Щирск, Терebuни и Хредино. Экспедиция прибыла в деревню Залазы, где сменила лошадей и покинула территорию современного Струго-Красненского района, проследовала через Боровичи и прибыла в город Порхов в 20:30, где имела во дворце ночлег. В Порхове Екатерина поручила своему статс-секретарю А.В. Храповицкому вести «Журнал Высочайшего Путешествия Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины II Самодержицы Всероссийской в Полуденные Страны России в 1787 году», описывающий данное путешествие, который печатался в газетах «Санкт-Петербургские» и «Московские ведомости», а позже в журналах.

Таким образом, императрица Екатерина II пребывала на территории современного Струго-Красненского района 8 января 1787 года, обедала в Феофиловой Пустыни и меняла лошадей в Залазах.

Скорее всего это не единственный пребывания Екатерины II на территории нашего района. В мае 1780 года она ехала в Белоруссию через Порхов, в 1784 году – в Псковскую губернию через Порхов. Скорее всего, её путь пролегал по территории нашего района, но возможны варианты. Краевед Алексей Иванович Федоров считает, что в 1780 году она ехала не через Велени, а через Боротно. 4 марта 1784 года Екатерина подписывает указ «о поставке на станциях по вновь устроенной дороге через Порхов ... по 20 лошадей и содержанию сей дороги на таком же основании, на каком содержится Нарвская дорога», при этом констатируется что «имеет преимущество перед другими дорогами». На территории нашего района появилось две таких станции: Феофилова пустынь и Залазы.

Таким образом императрица Екатерина II проезжала по территории нашего района, в результате по территории современного Струго-Красненского района прошел почтовый тракт, соединявший столицу Российской империи с Порховом, Смоленском и другими губерниями и странами, что способствовало экономическому развитию территории.

Александр I

Александр I неоднократно проезжал по территории нашего района во время заграничных поездок. Предположительно в конце 1815 или в начале 1816 года он посещал Успенскую церковь в Феофиловой пустыни, и священник обратился к нему с просьбой о строительстве нового храма. Новый каменный Успенский собор Феофиловой пустыни был освящен 15 августа 1824 года, император присутствовал на освящении.

Основными источниками при описании стали В. Степанова «Феофилова пустынь. Настоящее и будущее», большой интерес представляют публикации В.П.

Константиновой и А.Н. Ефимова. Из дореволюционных источников наиболее значимыми является брошюра «Преподобный Феофил Лужский и основанная им обитель» 1902 года и акафист преподобному Феофилу. Особый интерес представляет переписка разных лиц по поводу строительства нового храма в Феофиловой пустыни, хранящаяся в Государственном архиве Санкт-Петербурга, предоставленная монахиней Гавриилой (Мельничук).

С марта 1816 г. начинается переписка между синодальным обер-прокурором, князем Александром Николаевичем Голицыным, которому император поручил изучить возможность постройки нового храма в селе Феофилова пустынь. Переписка продолжалась несколько лет, и велась митрополитом с

архитектором Василием Петровичем Стасовым (он подготовил первый проект для нового храма), начальником главного штаба князем Волынским и иными лицами. 28 ноября 1822 г. наместник Александро-Невской лавры, архимандрит Товия пишет Министру Духовных дел и Народного Просвещения князю Голицину. «Усматриваю я, оный план составлен Стасовым ... без личного его обозрения местоположения» и «Мощей преподобного Феофила ... вовсе не обозначено. Церкви назначено быть в одно токмо наименование, без придела, ... во имя преподобного Феофила». Так же архимандрит Товия указывает, что храм будет тесным и «невместительный», купол весьма «низок», недостаточно освещен «во всей церкви ... токмо четыре окна». Учитывая это, он предлагает «Сверх храмового во имя Успения Божьей Матери ... устроить ещё два придела, один во имя преподобного Феофила, где и мощи сего преподобного будут почивать, ... другой во имя Святого Благоверного великого Князя Александра Невского, во ознаменование Высочайшего Благоволения к храму всемилостивейшаго Государя Императора». При этом отмечается, что смета вырастет только на 10 000 рублей (проект Стасова оценивался в 40 000 рублей). «Церковь против прежнего несравненно просторнее будет и трёх предельная». Подготовку нового проекта поручили архитектору Александро-Невской лавры Анисимову. 30 марта 1823 г. князь Голицин сообщал митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому: «Я имел счастье докладывать Государю Императору, представленный архимандритом Товием новый план на построение церкви в Феофиловой пустыни. Его величество высочайше соизволил, о сем сообщаю вашему высокопреосвященству ... и прилагаю означенный Высочайше конформированный план со сметою архитектора Анисимова».

1 ноября 1823 г. архимандрит Товия писал: «Сиятельный Князь! Милостивый Государь и особеннейший мой благодетель! Долгом своим поставляю довести до Вашего Сиятельства, что каменная церковь, заложенная 16 июня, ныне оное строение окончено и покрыто железом, кроме колокольни, которой малая часть недодела. Надеюсь на милость Божию, что ... летом окончено всё будет».

На освещении храма, состоявшемся в праздник Успения Пресвятой Богородицы, 15 августа (по старому стилю) 1824 года, присутствовал Император Александр I [12;13].

Строительство деревянного и каменного храмов в Феофиловой Пустыни осуществлялось при местном священнике Игнатии (Васильеве), возглавлявшим в те годы приход. Утверждали, что император Александр во время посещения Феофиловой Пустыни в 1824 году заходил к отцу Игнатию и даже исповедовался у него.

Таким образом, в результате особого внимания Александра I к нуждам небольшого прихода был построен новый каменный собор, один из престолов которого был освящен в честь Александра Невского, небесного покровителя императора.

Память об этом сохранилась народом в церковном предании. В акафисте, написанном в начале XX века, говорится: «Благословенный бо государь Александр Первый, емуже дивное от недуга даровал еси исцеление, храм чуден созда». В самом храме сохранялось место, на котором Александр I стоял на службе во время освящения

собора. Скорее всего, это место было у передней стенки левой, ближайшей к алтарю колонны.

Александр II

Александр II неоднократно бывал на территории нашего района во время охоты, кроме того, в 1911 году было установлено два памятника императору, в честь празднования 50-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости.

Основная информация предоставлена краеведом Алексеем Ивановичем Федоровым и дополнена материалами из книги Кутепова Н.И. «Императорская охота на Руси».

В 1858-м году Александр II возвращался из Варшавы. Остаток пути из Пскова он решил проехать по незаконченной и неоткрытой ещё для публики железной дороге. Рано утром 21 сентября 1858 года Александр II на поезде отправился из Пскова в Санкт-Петербург. На многих станциях были организованы торжественные встречи императорского поезда. Пассажирское движение на участке Луга – Псков было открыто через несколько месяцев – 10 февраля 1859 года.

В дальнейшем Александр II часто пользовался удобным железнодорожным транспортом, не только для рабочих поездок, но и, например, для передвижения к месту охоты. Каждый год, в зимние месяцы, раз в неделю, государь совершал далёкие поездки в окрестности Петербурга, главным образом для охоты на медведей, а также лосей. Эти выезды на охоту проводились как в ближайших пригородах Петербурга, в окрестностях Гатчины, Ораниенбаума, Павловска, так и в более отдалённых, обычно по линии Варшавской железной дороги вплоть до станции Белой (ныне – Струги Красные).

Несколько раз во время своих охотничьих поездок государь останавливался на ночлег в городе Луге, а в 1869 и 1875 годах на следующий день отправлялся далее

до станции Белой, ранее в 1864 и 1865 годах государь доезжал и до станции Новоселье.

26 января 1877 года Александр II остановился во время охоты на ночлег в д. Ящера, а утром отправился по железной дороге до станции Белой, в окрестностях которой уже были обложены медведи.

Обычно императорская охота была удачной, в том числе и на территории современного Струго-Красненского района. Есть упоминания, что 16 марта 1860 года возле станции Белой было убито пять медведей.

В 1911-м году широко праздновалось 50-летие отмены крепостного права в России. По всей стране проходили различные мероприятия, посвящённые этому событию, вспоминали Царя-Освободителя.

Многие крестьянские общества в память о столь знаменательном событии

заказывали бюсты императора Александра II. Так, например, крестьяне Быстреевского погоста Узьминской волости купили на собственные средства бюст Александра II и 18 июня 1911 года получили разрешение в Строительном отделении Санкт-Петербургского губернского правления на его установку на площади напротив приходской Никольской церкви.

Известно, что в 1911-м году такой же бюст Александра II был установлен и на станции Струги-Белая, но, к сожалению, пока неизвестно где он располагался.

После 1917 года все памятники Александру II были уничтожены Советской властью.

Николай II

Николай II 20 мая 1911 года провёл во Владимирском летнем лагере Высочайший смотр войскам располагавшихся в лагере пехотных полков. Это событие неоднократно описывалось в краеведческой литературе, наиболее подробное описание дал Алексей Николаевич Ефимов в статье «Владимирский лагерь – старейший российский гарнизон»

По указу императора Николая II от 12 мая 1903 года близ станции Белая для устройства артиллерийского полигона были заняты земли в количестве до шести тысяч десятин. Около имения Леоново, принадлежавшего Ю.И. Броневскому, рядом с железной

дорогой для базирования воинских частей был устроен летний лагерь. И полигон, и лагерь создавались при непосредственном участии главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа великого князя Владимира Александровича. Указом Николая II от 22 февраля 1906 года вновь устроенный летний лагерь именовался Владимирским в честь великого князя Владимира Александровича. С мая 1906 года ежегодно во Владимирском лагере отбывали летние сборы 23-я и 24-я артиллерийские бригады, 93-й Иркутский, 94-й Енисейский, 96-й Омский полки, располагавшиеся в зимнее время в Пскове.

Современный посёлок Владимирский Лагерь входит в состав городского поселения «Струги Красные», здесь располагаются 1544-й зенитно-ракетный полк и 25-я гвардейская отдельная мотострелковая бригада. На территории военного полигона регулярно проводятся учения войск Западного военного округа, в том числе и 76-й гвардейской воздушно-десантной дивизии.

На территории современного Струго-Красненского района как минимум дважды побывал де-юре последний возможный император из Дома Романовых – Михаил Александрович.

В 1900 году во время подвижных сборов войск Петербургского военного округа около Хмерского погоста в составе одной из батарей останавливались великие князья Михаил Александрович и Андрей Владимирович. Последний в воспоминаниях, писал о посещении Хмерского погоста и Ризоположенской церкви: «Кроме очень старой церкви и нескольких маленьких домов, кругом не было жилья на много вёрст. При церкви жил старенький священник... После угощения он повёл гостей осматривать церковь. Внутреннее убранство здесь было бедным и примитивным: бревенчатые стены, простой иконостас, очень старые закопчённые образа, а ризы из простого грубого холста».

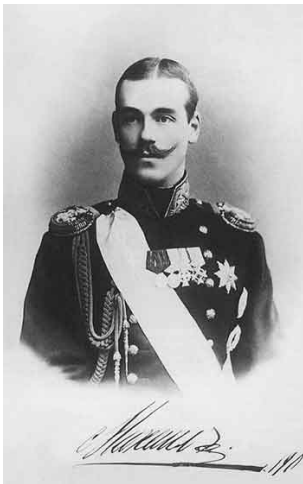
Это не единственный факт его пребывания на территории нашего района. Михаил Александрович и эрцгерцог Франц-Фердинанд. 30 января 1902 г. Московская газета «Русское слово» сообщила, что «28 января в 7 часов вечера по Варшавской железной дороге возвратились с охоты из окрестностей станции Белая Его Императорское Высочество Государь Наследник и Великий Князь Михаил Александрович и его королевское высочество эрцгерцог Франц-Фердинанд. Трофеями охоты были два крупных медведя». Как известно, эрцгерцог Франц-Фердинанд (1863-1914) был тем самым наследником австро-венгерского трона, чье убийство в Сараево в 1914г. послужило поводом к началу Первой Мировой войны.

Михаил Александрович Романов

На территории современного Струго-Красненского района как минимум дважды побывал де-юре последний возможный император из Дома Романовых – Михаил Александрович.

В 1900 году во время подвижных сборов войск Петербургского военного округа около Хмерского погоста в составе одной из батарей останавливались великие князья Михаил Александрович и Андрей Владимирович. Последний в воспоминаниях, писал о посещении Хмерского погоста и Ризоположенской церкви: «Кроме очень старой церкви и нескольких маленьких домов, кругом не было жилья на много вёрст. При церкви жил старенький священник... После угощения он повёл гостей осматривать церковь. Внутреннее убранство здесь было бедным и примитивным: бревенчатые стены, простой иконостас, очень старые закопчённые образа, а ризы из простого грубого холста».

Это не единственный факт его пребывания на территории нашего района. Михаил Александрович и эрцгерцог Франц-Фердинанд. 30 января 1902 г. Московская газета «Русское слово» сообщила, что «28 января в 7 часов вечера по Варшавской железной дороге возвратились с охоты из окрестностей станции Белая Его Императорское Высочество Государь Наследник и Великий Князь Михаил Александрович и его королевское высочество эрцгерцог Франц-Фердинанд. Трофеями охоты были два крупных медведя». Как известно, эрцгерцог Франц-Фердинанд (1863-1914) был тем самым наследником австро-венгерского трона, чье убийство в Сараево в 1914г. послужило поводом к началу Первой Мировой войны.

Константин Константинович Романов

Известны два его стихотворения с подписью «Близ станции Белой», датированные 2 и 5 октября 1899 года. Интересно, что другие его стихи этого времени написаны в Павловске. Деятельность его в этот период весьма многообразна.

В 1894 году произведён в генерал-майоры, с утверждением в должности командира лейб-гвардии

Преображенского полка. В 1898 году назначен в Свиту Его Величества. В 1889 году был назначен Президентом Императорской Академии наук («августейший президент»). 20 апреля 1899 г. великий князь встал во главе еще одной Комиссии - по проведению подписки и сооружению памятника А. С. Пушкину в Петербурге, позднее принимал самое деятельное участие в открытии Пушкинского дома.

В настоящее время мы не можем ни опровергнуть, ни подтвердить что упомянутая «станция Белая» это нынешний посёлок Струги-Красные.

Елена Павловна Романова

Елена Павловна Романова, супруга младшего сына Павла I, Михаила Павловича, возможно никогда не была на территории нашего района, но оставила заметный след в развитии начального народного образования.

С 1843 по 1845 годы, в Петербургской губернии начали создаваться сельские школы при всех вотчинных конторах в деревнях, принадлежащих Ораниенбаумскому Дворцовому правлению, то есть великому князю Михаилу Павловичу и его супруге великой княгине Елене Павловне. В 1845 году такая школа появилась в деревне Соседно.

По указанию Елены Павловны во вновь созданных школах обучались и мальчики, и девочки в возрасте от 8 до 12 лет. Великая княгиня принимала деятельное участие в жизни школ и их воспитанников. По ее указанию создаваемые под её руководством школы обеспечивались периодическими изданиями. Великой княгиней регулярно просматривались все отчеты о приобретении необходимых учебных пособий, починке школьной мебели, сдаче в переплет старых и приобретении новых книг.

Для учеников устраивались Рождественские елки, ученики получали подарки в зависимости от успеваемости. Учителям полагалось «весьма достаточное жалование». Законоучителям – священникам ближайших храмов так же полагалось вознаграждение, кроме того они получали и особые поощрения. Иосиф Михайлович Бельский, дьякон Моложанской церкви 26 декабря 1851 года был награжден Еленой Павловной 30 рублями «за успешное обучение детей», скорее всего он был законоучителем

Екатерина Михайловна Романова (в замужестве Мекленбург-Стрелицкая)

Екатерина Михайловна родилась 16 августа 1827 года в Санкт-Петербурге и была третьей дочерью в семье Елены Павловны и Михаила Романовых.

Известно, что в 1884 среди прочего имущества Покровского Заклинского храма значились 500 рублей, пожалованные Великою Княгиней Екатериною Михайловною на строительство нового храма.

В 1905 году, Их Высочества, герцоги Мекленбург-Стрелецкие владели в Соседненской волости землями площадью примерно 18 тысяч десятин (чуть меньше 20 тысяч гектаров), на которых располагалось Моложанское лесничество.

Таким образом можно предположить что представители этой ветви Романовых бывали на территории нашего района, путь от станции Новоселье до Моложан куда герцоги направлялись по хозяйственным делам лежал мимо деревни Заклинье.

***

В императорской России интерес к жизни царской семьи был огромен. Есть несколько причин. Для чиновников это повод показать свое рвение в заботе о государстве (или о приёме Государя), для духовенства – поднять значимость своего прихода, для простого народа – исключительное событие, практически визит небожителя. Память о таких событиях хранилась долго, иногда она получала вещественное воплощение, правда не всегда оцениваемое и понимаемое нами.

Путешествия Екатерины позволили ей определить наиболее оптимальные пути дороги на Порхов и далее в «полуденный край» империи. Эти дороги сохранились и до наших дней.

Александр I помог построить два новых храма в Феофиловой пустыни, и там помнят это, сохраняется место, где стоял Государь, упоминание об этом включается в

описание жизни и акафист преподобному Феофилу, в «Историко-статистических сведениях» особо сообщается об исповеди императора у местного священника Игнатия.

Александр II способствует развитию железнодорожного транспорта, которым он активно пользовался, а так же егерского хозяйства – царская охота не могла быть не удачной, поэтому зверей надо было найти, обложить, гнать поэтому здесь нужны были соответствующие, знающие люди. Этой инфраструктурой уже пользовались и другие Романовы.

Военное дело, появление летних Владимирских лагерей позволяет не только сбывать крестьянам свои продукты по более выгодным ценам, но и увеличивает дачную привлекательность этой местности. Ведь кроме того что «содержание здесь чрезвычайно дешево» и «природные условия прекрасны» появилась отличная возможность «присмотреть удачную партию из молодых военных». В результате местный землевладелец Броневский часть своей земли начал отдавать в аренду для «устройства дачных помещений»

Первая школа на территории нашего района была создана Еленой Павловной, для школы было построено специальное помещение, в нем, позднее размещался кроме школы еще и фельдшерский пункт. Её дочь Екатерина Михайловна помогает в строительстве нового храма в Заклинье. В имении организуется первое лесничество с поставленной расчетной лесосекой и циклом восстановления в 90 лет.

Таким образом большинство посещений Романовыми территории современного Струго-Красненского района имело положительные последствия как в краткосрочной, так и в более длительной перспективе.

Источники и литература:

ЦГИА СПб ф.256, оп.29, д.414, стр. 40-45 «Дело о разрешении на постановку памятников Императору Александру II в память 19 февраля 1861 г.»

50-й юбилейный год освобождения крестьян от крепостной зависимости. – СПб, 1911.

Брикнер А. Путешествие императрицы Екатерины II в полуденный край России в 1787 году// Журнал Министерства Народного Просвещения. Ч. CLXII отд.2. – СПб, 1872.

Докладная записка. С-Пб, Типография С. Корнатовского 1894

Ефимов А.Н. Владимирский Лагерь – старейший российский гарнизон// Наш край. Литературно-краеведческий альманах. Струги Красные, Вып. 4. - 2010.

Ефимов А.Н. Древние погосты земли Стругокрасненской// Псков. Вып. 26. - 2007.

Ефимов А.Н. Струги Красные: прошлое и настоящее. – Псков, 2008.

Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. вып. девятый. СПб.: Типография департамента уделов, 1884.

Константинова В.П. Струги Красные. – М, 2003.

Кутепов Н.И. Императорская охота на Руси. Конец XVIII и XIX век. Т.4.-СПб, 1911.

Михайлов А.А. Обаяние мундира. – Псков, 2004.

Петербургские святые. Календарь 2008. составитель Соколовская Л.А. СПб. Диалог. 2007

Преподобный Феофил Лужский и основанная им обитель. СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1902

Степанов В.Я. Феофилова Пустынь: прошлое и будущее. – М.: «Святигор», 2003. С.11.

Симанский В.К. Куда ехать на дачу? С-Пб, Типография В. Войницкого и С. Корнатовского 1892

Широков В.А. Путешествие Екатерины Великой в Крым // Культура народов Причерноморья. – 1998. – №3.

Условия для отдачи в арендное содержание земельных участков под устройство дачных помещений на даче Леоново по С-Пб Варшавской Ж.Д. платформа Броневского. Псков, Типография губернского правления

<http://www.petergen.com/bovkalo/kl/spbltrsv.html>

Преподавали в таких школах церковное и гражданское чтение, письмо и начала арифметики. Обучение велось только в зимние месяцы.

Результатом этого стало, что «если в 30-х годах (XIX века) на 500 душ обоего пола был один грамотный, то к освобождению крестьян их было до 50».

Рассмотрим подробнее деятельность Елены Павловны Романовой

По рождению она была немецкой принцессой – Фредерикой Шарлоттой Марией Вюртембергской. В десять лет отец отправил ее в Париж, в пансион французской писательницы Кампан.

В 1822 году, в возрасте пятнадцати лет, девушка была избрана вдовствующей

императрицей Марией Фёдоровной, в супруги великому князю Михаилу Павловичу, младшему сыну Павла I. Самостоятельно, при помощи словаря и учебника грамматики, изучила русский язык. В 1823 прибыла в Россию и в первый же день своего приезда каждому из 200 представленных ей лиц сумела сказать по-русски несколько приветливых слов. В феврале 1824 года совершилось бракосочетание. Много занималась благотворительностью, запомнилась современникам как очень активная и просвещенная дама.

В браке родилось пятеро дочерей, две из которых умерли в раннем детстве. Большой трагедией для супругов стала смерть ещё двух дочерей.

В 1831 году в единоличное владение Михаила Павловича и его супруги перешел Ораниенбаум. Елена Павловна, большое внимание уделяла содержанию и благоустройству своего загородного имения.

Вместе с дворцом к супругам перешли и земли Ораниенбаумского дворцового правления, среди которых и деревня Соседно с 30 дворами и 118 душами проживавших в этих дворах крестьян (по данным 1838 года).

С 1843 по 1845 годы, в Петербургской губернии начали создаваться сельские школы при всех вотчинных конторах в деревнях, принадлежащих Ораниенбаумскому Дворцовому правлению, то есть великому князю Михаилу Павловичу и его супруге великой княгине Елене Павловне. В 1845 году такая школа появилась в деревне Соседно.

Для неё было построено специальное здание из двух помещений раздевалки и классной комнаты. Позднее в раздевалке открыли медпункт. Классная комната была

размером 7,5 почти на 8 метров, высота потолка – 2,5 м, четыре достаточно больших окна размером 135 на 85 см.

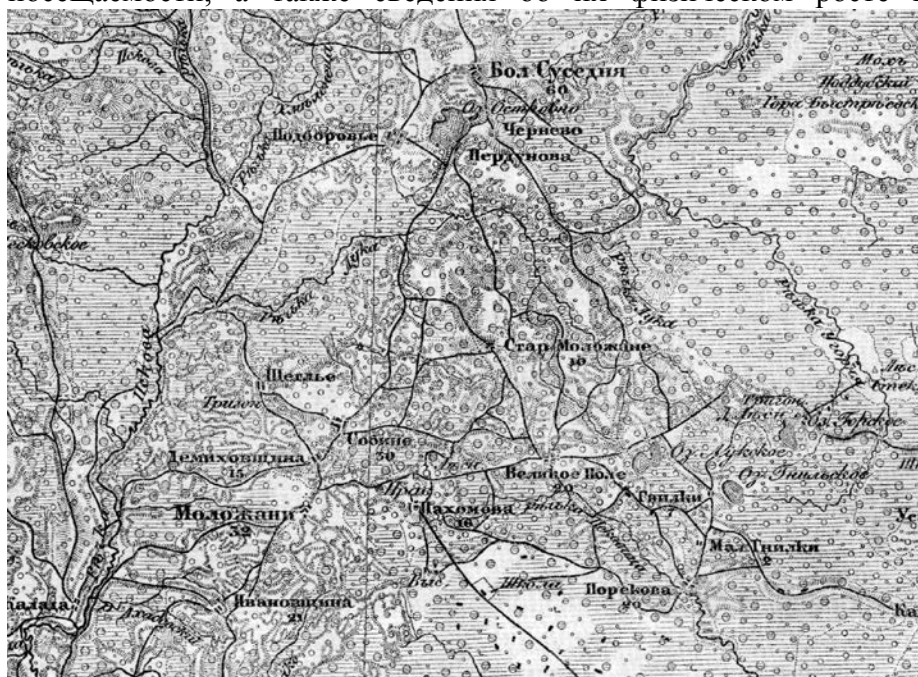
В школах обучались и мальчики, и девочки в возрасте от 8 до 12 лет.

Великая княгиня принимала деятельное участие в жизни школ и их воспитанников. Учителям полагалось «весьма достаточное жалование». Законоучителям – священникам ближайших храмов так же полагалось вознаграждение, кроме того они получали и особые поощрения. Иосиф Михайлович Бельский, дьякон Моложанской церкви 26 декабря 1851 года был награжден Еленой Павловной 30 рублями «за успешное обучение детей».

Начиная с 1864 года, было заведено правило о переобувании учащихся в сменную обувь, в суконные плетенки или сменные лапти. Дети приучались к аккуратности и умению пользоваться в школе носовыми платками. Пошив носовых платков и закупка материала для этой цели оплачивались из личных средств великой княгини Елены Павловны.

Также из личных средств Елены Павловны оплачивались и все расходы на проведение рождественских елок, на которых всем детям раздавались гостинцы, а старательные ученики награждались индивидуальными подарками[3].

Подготовка к празднику начиналась за несколько месяцев до наступления Рождества. Конкретный день для проведения этого мероприятия назначался наставниками училищ, а до того в Ораниенбаумское дворцовое правление для передачи Елене Павловне направлялись из всех школ ведомости об успехах детей в учебе, об их прилежании, посещаемости, а также сведения об их физическом росте в вершках и аршинах.

Заранее в школы из Михайловского дворца, что в Петербурге, отправлялись тюки с подарками и «гостинцами». В назначенный день в школах ставились и наряжались елки. Их украшали присланными Еленой Павловной специальными свечами и «золочеными» орехами. На торжество всегда приглашались родители учеников и самые уважаемые люди селений, в которых располагались эти учебные заведения.

Начинался праздник с поздравлений и вручения индивидуальных подарков. В 1863 году, детей одарили «обновками» и книгами. Всем детям раздавались «гостинцы» - различные сладости. С 1865 года все ученики одаривались куском круглого туалетного мыла.

Училище содержалось Ораниенбаумским дворцовым правлением до 1867 года, затем было передано земству. В 1868 году было закрыто, с 1870 года снова действовало. В 1874 году вновь было закрыто «по недостатку средств», его имущество передано в Моложанское училище.

В 1882 году Соседненское сельское общество обратилось в земство с ходатайством об открытии в Соседно земского училища, причем общество обещало предоставить для училища помещение (когда-то именно для этих целей и построенное Еленой Павловной), квартиру учителю, отопление и 36 рублей в год добавочного жалования. Училище было

открыто, но в 1885 году крестьяне отказались платить учителю это добавочное жалование и учитель М.Н. Тихомиров нашел более выгодное место. Назначенный земством М.Н. Солнцев так же нашел более высоко оплачиваемое место и перевелся туда до начала

занятий, а школа в 1885-86 годах вновь не работала. В следующем году сельское общество вновь стало платить добавочное жалование и занятия возобновились

С 1890 года общество наложило арендную плату (10 рублей в год) на земство за пользование зданием училища, и передав его часть под помещение для фельдшера.

Квартира для учителя сырая и холодная. Училищу предоставлен участок земли на котором устроены сад и огород. Теоретических занятий по садоводству и огородничеству не ведется, но «ученикам старших отделений практическим путем сообщаются сведения по прививке, окулировке, заготовлению перегноя и земли для посадки плодовых деревьев и кустов». Отдельного вознаграждения учитель за это не получает. Так же ученикам преподается пение «с голоса».

В 1892-93 учебном году училище посещают дети из деревень Соседно, Святье, Подборовье, Чернево, Бертаново, Мотово и Рашелево (в написании названий сохранена орфография источника). Всего 49 человек, из них 36 мальчиков и 13 девочек. Всего в этих деревнях проживало 44 мальчика и 40 девочек школьного возраста. В числе посещавших школу было 24 православных, 18 старообрядцев и 7 лютеран. В школьной библиотеке было 142 книги [13].

В 1910 году в Соседненскую школу посещали дети из тех же деревень, 56 человек. Планировалось что в следующем году её будут посещать 59 человек и будут работать два учителя. Кроме того начало действовать Соседненское частное лютеранское училище, которое посещали ещё 36 школьников.

В данной работе мы собрали, систематизировали и проанализировали информацию

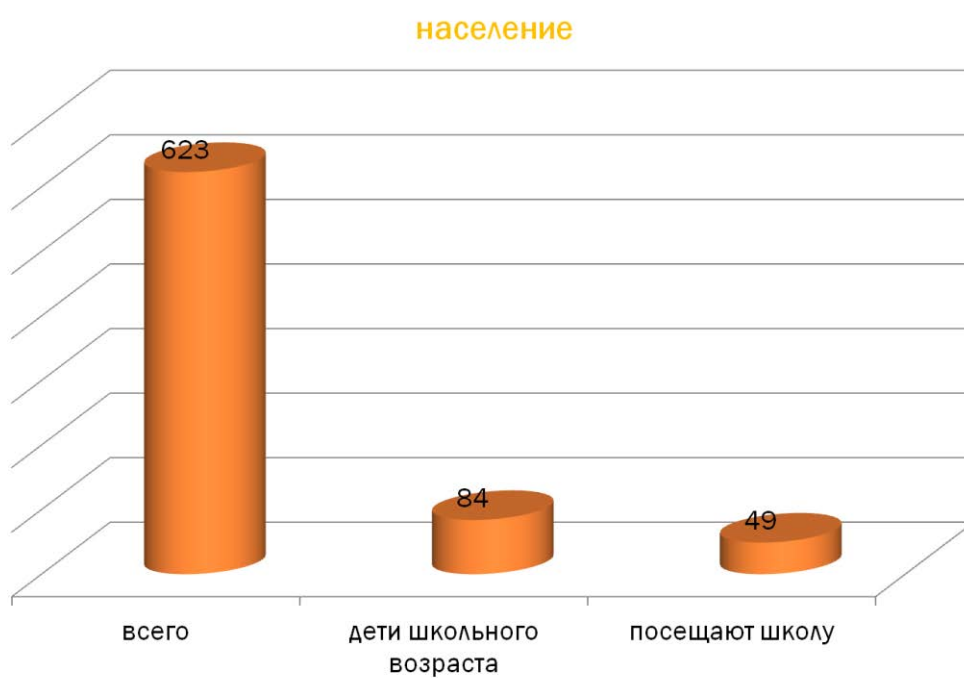

о первом учреждении начального народного образования на территории Струго-Красненского района – Соседненском начальном народном училище. Его появление тесно связано с именем Елены Павловны Романовой, урожденной принцессой Фредерикой Шарлоттой Марией Вюртембергской, супругой младшего сына императора Павла I. Будучи немкой по крови она получила образование во Франции, стала одной из наиболее ярких фигур Российского императорского двора.

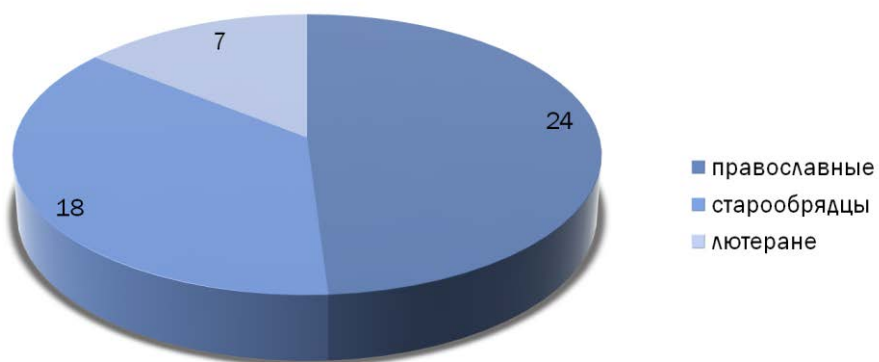
Но, несмотря на все это уделяла большое внимание своим крепостным, заботилась об их просвещении. Это выразилась в открытии и попечении о сети школ в деревнях, принадлежавших Ораниенбаумскому дворцовому правлению, перешедшему к ней после замужества.

Её наследие ждала интересная судьба, школа то открывалась, то закрывалась, не хватало денег на её содержание, делила помещение с

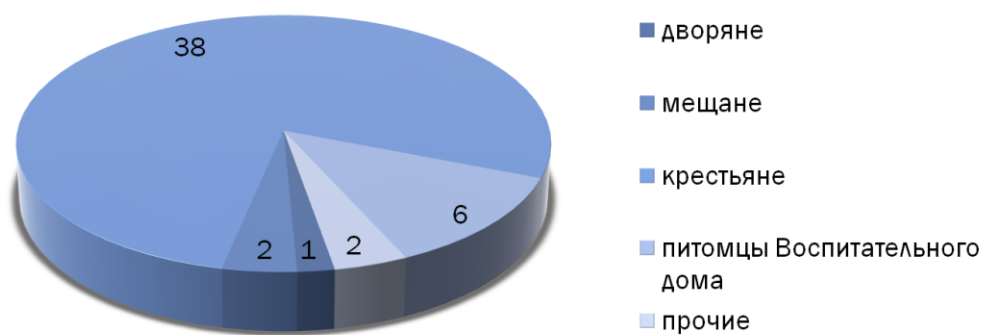
фельдшерским пунктом, но школа была, дети учились, территория развивалась, в том числе и благодаря значительному вкладу Елены Павловны в развитие этих территорий.

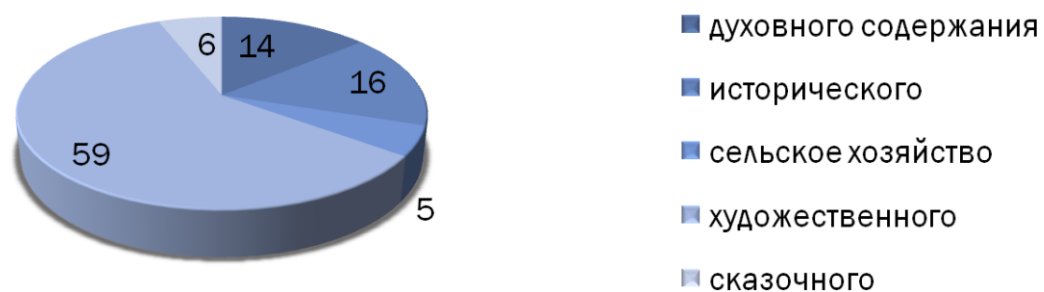
учащиеся по вероисповеданию

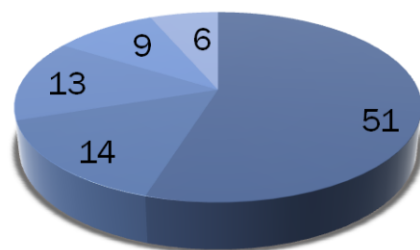
учащиеся по сословиям

количество книг в Соседненской школе в %

**КОЛИЧЕСТВО КНИГ В
школах на территории района(в %)**

- Повести и рассказы
- Духовного содержания
- Исторического содержания
- Разного содержания
- Сказочного содержания
- По сельскому хоз-ву

Источники и литература:

Бовкало А.А. Соборы и церкви (клир). Лужский уезд. URL:

<http://www.petergen.com/bovkalokl/spbltrsv.html> (дата обращения: 15.09.2013)

Великая княгиня Елена Павловна // Русская старина. 1882. N 3.

Воспоминания графини А.Д. Блудовой // Русский архив

Ефимов А.Н. Древние погосты земли Стругокрасненской// Псков. Вып. 26. - 2007.

Ефимов А.Н. Струги Красные: прошлое и настоящее. – Псков, 2008.

Знаменский П.В. История Русской Церкви. Paris.: Bibliotheque Slave de Paris, 2000. 464

Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. вып. девятый. СПб.: Типография департамента уделов, 1884.

Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. вып. десятый. СПб.: Типография департамента уделов, 1885.

Кадастр достопримечательных природных и историко-культурных объектов Псковской области. Псков: ПГПИ, 1997

Константинова В.П. Струги Красные. – М, 2003.

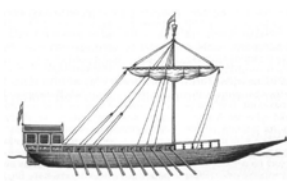
Памятная книга по С.- Петербургской епархии. СПб: Типография отдельного корпуса пограничной стражи, 1899.

Памятные записи о церквях и приходах в уездных городах и селах Петроградской епархии. Часть 1. Уезды: Гдовский, Лужский, Новолодожский, Петергофский. Петроград, 1915

Статистический сборник: Положение начального народного образования в С.- Петербургской губернии 1892-1893 г. СПб типография Тренке и Фюсно 1895

Цыпин В. протоиерей. История Русской Православной Церкви: синодальный и новейший периоды. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2007. 816 с.

Школьная сеть Лужского уезда. СПб, 1911

Блоки. Качаловы. Киршбаумы

Федров Алексей Иванович

Дворянский род Блоков ведёт своё происхождение от **Иоганна Фридриха (Ивана Леонтьевича) Блока** (1734–1810), врача, выходца из города Дёмица на Эльбе в Германии. Иван Леонтьевич в 1755 году поступил на русскую службу и состоял врачом при нескольких полках русской армии. С 1785 года – лейб-хирург при великом князе Павле Петровиче – будущем императоре Павле I. Позже был приставлен лейб-медиком к царевичам Константину и Александру. В 1796 году Блоку пожалован диплом на дворянское достоинство Российском Империи. С 1799 года имел чин действительного статского советника. За службу получил имение и 600 душ крестьян в Ямбургском уезде. Женат был на Катарине (Екатерине Даниловне) Виц (1750–1813).

У Ивана Леонтьевича и Екатерины Даниловны родилось шестеро детей: Елизавета (1775–1845), Елена (1777–1856), Фёдор (1781–1814), Александр (1786–1848), Мария (1788–1841) и Дарья (1790–1854).

Александр Иванович Блок

Младший сын **Александр Иванович** занимал различные должности при дворе императора Николая I, дослужился до чина тайного советника, гофмейстера и должности управляющего собственной Его Величества Канцелярией. Награждён орденами вплоть до ордена Св. Александра Невского.

У Александра Ивановича и его супруги Натальи Петровны Геринг (1797–1839) было четверо сыновей и четыре дочери: Иван (1814–1848), Софья (1820–1863), Николай (1822–?), Лев (1823–1883), Ольга (1829–1901), Вера (1831–1882), Константин (1833–1897) и Аделаида (1834–?)

Трое сыновей посвятили себя военной, а **Лев Александрович** гражданской службе. Служил юристом, вице-директором Департамента таможенных сборов. Дослужился до чина тайного советника. Женат был Лев Александрович на **Ариадне Александровне Черкасовой** (1832–1900).

Лев Александрович
и Ариадна Александровна Блоки

Когда Лев Александрович Блок служил управляющим Казённой палатой в Новгороде, то по службе он был тесно связан с Николаем Александровичем Качаловым – председателем Губернской земской управы. Их семьи сблизились. Когда Николай Александрович Качалов был переведён в Петербург на должность начальника Департамента таможенных сборов, вместе с ним на должность вице-директора того же департамента был переведён и Л.А. Блок. В Петербурге семьи Блоков и Качаловых поселились в

одном доме на Васильевском острове.

В семье Льва Александровича Блока родились трое сыновей: Александр (1852–1909), Пётр (1854–1916), Иван (1858–1906) и дочь Ольга (1861–1900).

Все дети в семье музицировали: Александр и Ольга – на фортепиано, Пётр – на скрипке, Иван – на виолончели.

***

Николай Александрович Качалов (1818–1891) – выдающийся представитель древнего дворянского рода Качаловых. Воспитание получил в Морском корпусе. Прослужив несколько лет на Балтийском флоте, вышел в отставку, занимался домашним хозяйством. С 1865 года – председатель Новгородской губернской земской управы. Деятельность Качалова в земстве привлекла внимание наследника престола цесаревича Александра Александровича с которым Николай Александрович сблизился. В 1869-м Качалов был назначен Архангельским губернатором. В 1870-м – директором Департамента таможенных сборов.

Николай Александрович Качалов

Александра Павловна Качалова

Николай Александрович Качалов был женат на **Александре Павловне Долговой-Сабуровой** (1828–1901) дочери новгородского помещика, полковника Павла Яковлевича Долгова-Сабурова.

У Николая Александровича и Александры Павловны согласно семейному преданию было 20 детей.

К 1891 году жена тайного советника Александра Павловна Качалова владела 200 десятинами земли в деревне Бровск Лужского уезда. Вероятно, после смерти мужа Александра Павловна в летние месяцы проживала именно в Бровске, вела большое хозяйство. В конце XIX века были построены хозяйский дом, заложен парк.

Две большие дружные семьи Блоков и Качаловых одновременно дважды породнились: Пётр Львович Блок женился на Александре Николаевне Качаловой, а Ольга Львовна вышла замуж за Николая Николаевича Качалова. Брат и сестра Блоки в один день обвенчались с сестрой и братом Качаловыми.

***

Александр Львович Блок родился в Пскове в 1852 году. Окончил курс в Петербургском университете по юридическому факультету. Профессор Блок заведовал кафедрой государственного права в Варшавском университете. 30 лет прожил в Варшаве. Был дважды женат: на Марии Тимофеевне Беляевой и Александре Андреевне Бекетовой.

В браке с Александрой Бекетовой родился сын **Александр** (1880–1921), самый яркий представитель поэтов Серебряного века.

Александр Львович Блок

Пётр Львович Блок

Пётр Львович Блок родился 4 февраля 1854 года в семье Льва Александровича и Ариадны Александровны Блок. Пётр Львович был вторым ребёнком в семье, со старшим братом Александром у них была разница в полтора года.

Пётр окончил юридический факультет Петербургского университета. Блок был в числе русских патриотов-волонтеров, отправившихся на Русско-турецкую (1877–1878) освободительную войну. После войны, которую он прошел в одном из стрелковых полков, Пётр Львович посвятил себя адвокатуре. Современники отмечали большую его склонность к литературе и музыке. Дальняя родственница Петра Львовича Е.Б. Соколовская вспоминала о домашних концертах, устраивавшихся на его даче в Бровске, где бывали и крупные русские музыканты. Одна интересная особенность роднит П.Л. Блока с племянником-поэтом – он был почти совершенно лишён музыкального слуха, но обладал поразительной музыкальной памятью и чувством ритма. М.А. Бекетова пишет, что это «позволяло ему передавать своим странным голосом целые оперы, такие, как “Руслан” Глинки, давая о них полное понятие». К тому же с детства Пётр Львович музицировал на скрипке.

Один из современников так писал о Петре Львовиче: «Человек внешне хмурого вида, с густыми насупленными бровями, <...> обладал острым и живым умом, но казался

малообщительным по характеру. В молодости военный, он одно время служил в Министерстве финансов, а затем состоял присяжным поверенным (адвокатом) петербургского судебного округа».

Пётр Львович служил чиновником Министерства финансов в Санкт-Петербурге, дослужился до чина статского советника. Вёл активный образ жизни, состоял заместителем председателя Попечительского отделения защиты детей от жестокого обращения.

Племянник Александр не часто заходил в гости к дяде, главным образом он приходил за деньгами, которые отец полтора года с 1900 по 1902, после смерти бабушки и до его совершеннолетия, пересылал ему через Петра Львовича.

В 1909 году на похороны Александра Львовича в Варшаву сын Александр и брат Пётр Львович ездили вместе.

Бровск

Пётр Львович был женат на **Александре Николаевне Качаловой** (1856–1927). В 1901 году Александра Павловна Качалова скончалась, и имение в Бровске перешло по

наследству к её дочери – Александре Николаевне. Александра Николаевна также как и мать активно занималась вместе с мужем хозяйством в Бровске. В том числе они принимали участие и в жизни прихода Щирской церкви. Александра Николаевна Качалова пожертвовала на вечное поминовение причту Щирской церкви свидетельство 4% Государственной ренты, доходы от которого шли в содержание священника и причта.

Александра Николаевна вела также активную общественную жизнь – она состояла председателем окружной комиссии Общества защиты детей от жестокого обращения.

К 1905 году владельцем 71 десятины земли в деревне Бровск являлся Пётр Львович Блок.

Современный псковский поэт Александр Пителимов в своей поэме «Чиновник Двучёчников скончался» упоминает один курьёзный случай, произошедший с Петром Львовичем, талантливо переложённый в стихотворную форму:

Испив пустого кипятку,
Пал Львович вмял (не для издательств)
Пяток нечаянных ругательств
В *четырёх*стопную строку
(Словцо не терпит отлагательств,
Когда язык обволокло,
Хоть дуй в сердцах на молоко!)
И канул в омуте ходатайств
Из тома тайных соглядатайств:
*«Тому десятая верста
От Белой. Блок, помещик. Статский.
Ревизских душ, числом полста,
Сокрыл из Яблонецкой сказки.*

Скончался Пётр Львович Блок 2 октября 1916 года. Похоронен на Смоленском православном кладбище Петербурга на семейном месте Блоков.

***

Младший сын Льва Александровича Блока – **Иван Львович Блок** (1858–1906) посвятил себя гражданской службе, работал в земстве, Министерстве Внутренних Дел, занимал пост председателя уездного съезда в Пермской губернии. С 13 июля 1902 года служил Уфимским вице-губернатором, после – Бессарабским вице-губернатором, с 1905 года Блок – Гродненский губернатор, а с 1906 года – Самарский губернатор.

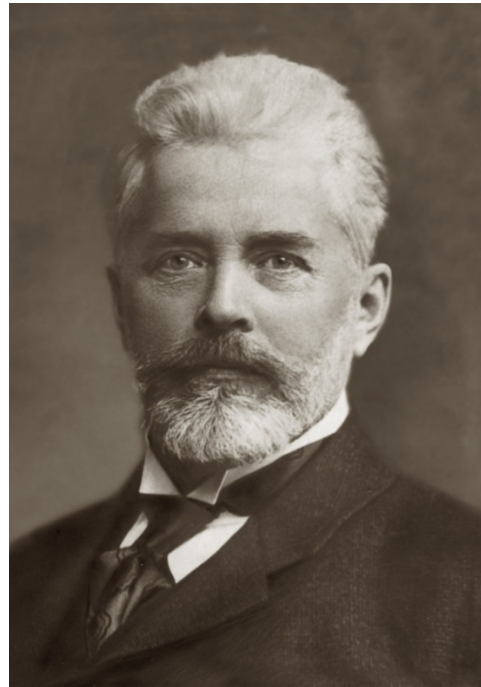

Иван Львович Блок

Как вспоминала об Иване Львовиче М.А. Бекетова: «правовед по образованию, был добрый, мягкий и гуманный человек. У него была большая семья. Он служил губернатором, переходя из одной губернии в другую. Везде пользовался любовью и уважением населения». Но к политическим преступникам Иван Львович был крайне нетерпим, решительно пресекал антиправительственную деятельность, что и послужило причиной его гибели. 21-го июля 1906 года эсер Г.Н. Фролов бросил бомбу в экипаж губернатора Блока, Иван Львович был буквально разорван на куски, также от взрыва погибли бывшие рядом на улице три плотника и 12-летний мальчик.

Ольга Львовна Блок

Николай Николаевич Качалов (старший)

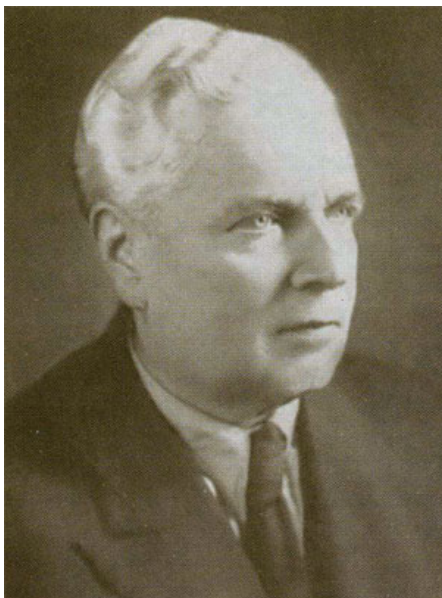
***

Ольга Львовна Блок (1861–1900) – сестра Александра, Петра и Ивана, как уже было упомянуто выше, вышла замуж за **Николая Николаевича Качалова** (1852–1909), который окончил в 1876-м году Морскую академию и Минные классы, затем был послан в

Германию в качестве морского атташе при посольстве в Берлине. В браке с Ольгой Львовной родилось шестеро детей: Ольга (1879–1940), Софья (1880–1967), Николай (1883–1961), Лев (1888–1975), Кирилл (1893–1937) и Мария (1900–1983).

Семья в конце 1883 года жила в Германии, недалеко от Дрездена. Николай Николаевич был приглашён в Электротехнический институт в Петербурге на должность инспектора и преподавателя. Пока шли переговоры и процедура оформления его в Петербурге, вся его большая семья поселилась на даче Николая Александровича Качалова в деревне Бровск, на берегу Щирского озера. Как вспоминает Софья Николаевна Тутолмина (урождённая Качалова) – старшая дочь Ольги Львовны и Николая Николаевича: «Наша милая бабушка (Александра Павловна Качалова), конечно, была с нами, и у меня сохранились светлые воспоминания о пребывании в Бровском, хотя мне было тогда всего четыре года». Год прожила в Бровске семья Ольги Львовны, а со следующего 1885 года переехала в Петербург.

Николай Николаевич Качалов
(младший)

В 1898-м году Николай Николаевич стал директором Электротехнического института. В 1905-м году был назначен Архангельском губернатором, но в 1907 оставил эту должность по состоянию здоровья.

Таким образом, в самом нежном возрасте одного-двух лет Бровск впервые посетил будущий член-корреспондент АН СССР, лауреат Государственной премии СССР, химик-технолог **Николай Николаевич Качалов**. Впоследствии он вместе со своей женой народной артисткой РСФСР Елизаветой Ивановной Тиме ещё несколько раз отдыхали в Бровске.

***

Но вернёмся к детям Петра Львовича Блока.

Дочь Петра Львовича – **Марианна Петровна Блок** (1880–1943) родилась в Петербурге в 1880 году. Повинуясь родительской воле, Марианна Петровна вышла замуж за офицера Бориса Викторовича Андреева (1870–1905) около 1898 года. Семья проживала в Бровске. В семье родились трое детей: Николай (1899–1958), Ирина (1900–1967) и Нина (1902–1969). С 1904 года полковник Генерального Штаба начальник штаба 9-й стрелковой дивизии Борис Андреев участвует в Русско-Японской войне (1904–1905). 14 января 1905 года он был ранен в голову. Марианна Петровна поехала за раненым

мужем на Дальний Восток и привезла его в Петербург, всю дорогу продержав его голову на своих коленях. Он остался жив, но впоследствии был подвержен внезапным припадкам – неожиданно терял сознание и падал.

Летом 1905 года Пётр Львович Блок и Борис Викторович Андреев вышли на яхте на Щирское озеро и пропали. Уже вечером в темноте рыбаки на лодках с огнями на середине озера обнаружили опрокинутую яхту и Петра Львовича, который несколько часов, не умея плавать, продержался одной рукой за борт яхты, а другой держал за волосы тело мёртвого зятя.

Так Марианна Петровна овдовела в 25 лет, оставшись с тремя маленькими детьми. Сергей Владимирович Киршбаум (1879–1953) – сосед по имению, любивший Марианну Петровну ещё с юношеских лет, возобновил ухаживания и в 1908 году они поженились и прожили всю жизнь в согласии и любви. У них родились трое детей: Владимир (1910–1990), Сергей (1914–1987) и Мария (1918–2012).

Марианна Петровна
Блок

Сергей Владимирович
Киршбаум

Сергей Владимирович Киршбаум был родом из обрусевшей семьи Киршбаумов, его дед Фёдор (Теодор) Богданович (1811–1876) в 1836 году окончил философский и теологический факультеты Дерптского университета, впоследствии был определён гувернёром и преподавателем в Царскосельский Лицей. В 1866 году он был пожалован орденом св. Владимира, что давало ему право на потомственное дворянство. Одним из восьми его детей был **Владимир Фёдорович Киршбаум** – человек больших деловых

способностей, он сделал быструю карьеру на государственной службе. Выйдя ещё молодым человеком в отставку, он продолжал энергично работать и нажил себе крупное состояние. С 70-х годов XIX века и вплоть до 1918 года был владельцем типографии и издательства, располагавшихся в доме Министерства финансов, в здании Главного штаба на Дворцовой площади в Петербурге. Принадлежали ему и некоторые другие предприятия.

Владимир Фёдорович Киршбаум

Варвара Фёдоровна Киршбаум

В имении Загорье на берегу Щирского озера (сейчас данное место называется Киржбалм) жена Владимира Фёдоровича – **Варвара Фёдоровна** (ур. Степанова) вела образцовое хозяйство, в котором имелись и конюшни, и большое количество крупного рогатого скота. Владимир Фёдорович являлся членом правления Струги-Бельского союза молочных хозяев, в котором состояли и его супруга Варвара Фёдоровна и соседка по имени Александра Николаевна Блок. В 1910–1911 годах в имении Загорье семья Киршбаумов содержала 49 голов крупного рогатого скота, в том числе 42 дойных коровы. У Блоков в данный период было всего 11 голов, в том числе 7 дойных коров. Также Владимир Фёдорович состоял членом ревизионной комиссии Товарищества Бельских сельских хозяев с 1899 по 1916 годы.

Загорье

Владимир Фёдорович занимался в начале XX века не только лишь хозяйством, но и пытался привить местному населению вкус к культуре, он с супругой и детьми, а также с многими соседями в том числе и Блоками являлись учредителями Бровского общества народных развлечений, которое ставило своей целью поднятие умственного и нравственного уровня местного сельского населения в районе прилегающем к Щирскому озеру. Для достижения означенной цели Общество устраивало чтения, спектакли, организовывало читальни и библиотеки, организовывало полезные развлечения для народа.

Всё состояние, предприятия и имение В.Ф. Киршбаума были национализированы в 1918 году. В 1919 семья Киршбаумов эмигрировала в Эстонию к родственникам.

***

Старший сын Петра Львовича – **Николай Петрович Блок** (1881–1903), окончил Морской кадетский корпус в 1900 году, а 20 октября 1903 года покончил с собой.

Младший сын Петра Львовича – **Георгий Петрович Блок** (1888–1962) родился в Петербурге, образование получил в 6-й гимназии, которую окончил с золотой медалью, затем в Александровском лицее, который также окончил с золотой медалью. С 1909 по

1917 годы служил в Сенатской канцелярии. С 1918 года занимался научной деятельностью, в том числе в Пушкинском Доме совместно с Б.Л. Модзалевским. Георгий Блок приобрёл для Пушкинского Дома архив поэта Афанасия Фёта. В 1923 году стал одним из основателей издательства «Время» в котором занимался литературским трудом и переводами. При активном участии Блока были изданы собрания сочинений Ромэна Роллана, Стендаля. В издании данных собраний Г.П. Блок принимал не только организаторское участие, но и работал переводчиком. В 1938 году был привлечён к изданию полного собрания сочинений А.С. Пушкина. В 1946 году Георгий Блок защитил кандидатскую диссертацию в Институте мировой литературы Академии Наук СССР на тему «Пушкин в работе над историческими источниками». С 1948 года Г.П. Блок работал в Архиве Академии Наук СССР. Работая в Архиве АН СССР, Г.П. Блок выпустил в свет не только множество обзоров архивных материалов, но и собрание сочинений М.В. Ломоносова. Также он автор книг «Рождение поэта: Повесть о молодости Фета», «Одиночество», «Каменская управа», «Московляне».

Георгий Петрович Блок

Ещё в 1921-м году возникла некоторая близость между кузенами Александром и Георгием Блоками. Они часто встречались, вели разговоры о литературе и искусстве, переписывались, но отношения эти были оборваны смертью поэта.

Георгий Петрович Блок скончался 26 февраля 1962 года в Ленинграде.

***

Относительно детей Марианны Петровны Блок от первого брака мне ничего не известно, за исключением упоминания о службе Николая Борисовича Андреева в период с 1922 по 1929 годы учёным секретарём издательства Академии Наук СССР. А вот относительно судьбы детей от брака с Сергеем Киршбаумом информации больше.

Семья Киршбаумов эмигрировала в 1919 году из России в Эстонию. Марианна Петровна организовала, и долгие годы вдохновляла деятельность Общества помощи больным беженцам, которое взяло на себя заботу об оказавшихся в Эстонии без средств к существованию солдатах армии Н.Н. Юденича и семьях русских беженцев.

Старшим сыном Марианны Петровны и Сергея Владимировича являлся – **Владимир Сергеевич Киршбаум** (1910–1990).

Владимир Сергеевич Кишбаум

Сергей Сергеевич Кишбаум

Мария Сергеевна Кишбаум

Младший сын – **Сергей Сергеевич Кишбаум** (1914–1987) прошёл всю Великую Отечественную войну в действующей армии. Служил в артиллерии в составе 307-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона 249-й Эстонской стрелковой дивизии. Закончил войну в звании гвардии лейтенанта.

В период войны был награждён орденами Красной Звезды (приказ 249-й Эстонской сд № 0214/н от 03.10.1944) и дважды орденом Отечественной войны II степени (приказы 8-го Эстонского ск № 0429/н от 04.12.1944 и № 0440/н от 15.12.1944). Третьим орденом Отечественной войны II степени Сергей Кишбаум был награждён к 40-летию победы в 1985-м году.

Дочь Марианны Петровны и Сергея Владимировича – **Мария Сергеевна Кишбаум** (1918–2012) – многолетняя сотрудница Латвийского радио, литературный редактор и автор книги мемуаров «Мне кажется, что мы не расставались...» Мария Сергеевна была участницей Русского студенческого христианского движения, благодаря чему познакомилась с активным членом данного движения – Борисом Владимировичем Плюхановым (1911–1993). В годы Второй Мировой войны, спасаясь от преследования гестапо, Мария Сергеевна переехала из Эстонии в Латвию, впоследствии она вышла замуж за Б.В. Плюханова. Большая часть её жизни связана с Латвией и работой на Латвийском радио.

Три поколения семьи Качаловых.

Сидят слева направо: Николай Львович Качалов, Вера Владимировна Киришбаум,
Лев Николаевич Качалов, Татьяна Александровна (жена Н.Л. Качалова)

***

Кроме вышеописанных многочисленных переплетений родов Блоков, Качаловых и Киришбаумов есть и ещё одно: средний сын Николая Николаевича Качалова и Ольги Львовны Блок – **Лев Николаевич Качалов** был женат на дочери Владимира Фёдоровича Киришбаума – **Вере Владимировне** (1887–1979). В данном браке родились четверо детей: Николай (1911–1997), Ольга (1917–?), Мария (1927–?) и Варвара (1930–?).

Николай Львович Качалов – замечательный органист и композитор, проживавший с 1922 года в Риге.

***

Живя вместе и рядом, представители родов Блоков и Качаловых даже после смерти решили быть вместе. Родовые места Блоков и Качаловых находятся буквально в нескольких шагах друг от друга на Смоленском православном кладбище Санкт-Петербурга.

***

Достоверно неизвестно бывал ли Александр Александрович Блок на даче у дяди в Бровске, период его общения с Петром Львовичем был только с 1900 по 1903 год в

Александр Александрович
Блок

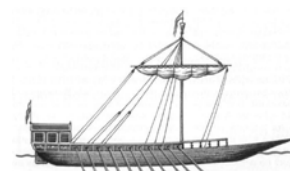
юношеском возрасте, после, по воспоминаниям родственников они встречались крайне редко. Но в записной книжке Александра Блока за 16 июня 1918 года есть такая запись:

«Коломяги. Холодно. Листья ещё маленькие. – Какая она прелестная (имени не знаю). Струги Белые. – Без меня приходил Чуковский».

Что означает эта запись – неизвестно, данные строки ещё ждут своего исследователя.

Источники:

1. Архив Академии Наук ф.4, оп.4, №1242.
2. ЦАМО Ф.33, оп.686196, ед.хр.3935, 3945. Ф.33, оп.687572, ед.хр.514.
3. Album Academicum der Kaiseilichen Universitat Dorpat. Dorpat, 1889, стр. 209, JSfe 2919.
4. Блок А. Записные книжки 1901-1920 – М.: Художественная литература, 1965.
5. Майков П.М. Иван Иванович Бецкой: Опыт его биографии. СПб, 1904. С. 195-202.
6. Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Выпуск XIII. Частновладельческое хозяйство в Лужском уезде. – СПб, 1891.
7. Орлов В.Н. Александр Блок в воспоминаниях современников. Т.2, 1980.
8. Отчёты о действиях Товарищества Бельских сельских хозяев за 1898-99, 1913-14, 1914-15, 1915-16.
9. Отчёт Струги-Бельского союза молочных хозяев за 1910-1911 гг., СПб, 1912.
10. Памятная книга по С.-Петербургской Епархии. Сост. Н.М. Кутепов. – СПб., 1899.
11. Памятная книжка С.-Петербургской губернии. Сост. Н.В. Шапошников. – СПб, 1905.
12. Плюханова М.Б. Блок в переписке Блоков и Качаловых// Литературное наследство. Александр Блок: новые материалы и исследования. Том 92. Часть 1.: М. Наука, 1980.
13. Плюханова М.Б. Мне кажется, что мы не расставались... Воспоминания.: Таллинн. Aleksandra, 1999.
14. Устав Бровского общества народных развлечений. – СПб, Тип. В.Ф. Киришаума, 1907.
15. <http://www.grani.lv/latvia/23473-ne-stalo-ms-plyuhanovoy.html>
16. <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7507.php>
17. <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/9607.php>

Районная газета

Федоров Алексей Иванович

В Струго-Красненском районе, образованном, как известно, в августе 1927 года, своя собственная печать появилась лишь через три с половиной года. Решением областных властей во всех районах Ленинградской области должны были появиться собственные газеты. И во вторник 12 мая 1931 года увидел свет первый номер стругокрасненской районной газеты «Колхозная стройка», напечатанный ещё в лужской типографии. Типография в Стругах Красных появилась несколько позднее. Пусть картинка «Проведём сев по-ударному, а не в развалку» на первой полосе газеты была перевёрнута при наборе, шрифт местами был различен, не существовало оттиска названия, оно было просто набрано крупным шрифтом, но это было первое в районе печатное периодическое издание. Большая часть материалов была посвящена весеннему севу, успехам коллективизации и борьбе с кулачеством. На четвёртой полосе содержалась информация о международной обстановке и новости из-за рубежа.

Несколько ранее была образована редколлегия, которую возглавил ответственный редактор Михаил Фёдорович Бойцов, заместителем редактора стал только что окончивший курс Ленинградского института журналистики Николай Петрович Кох, а уже с февраля 1932 года ответственным редактором газеты стал Н.И. Таубер, к 1941 году ответственным редактором работал А. Горошников., заместителем Б. Петров, а позже П. Рогозин.

Газета «Колхозная стройка» создана как «Издание Струго-Красненского Райкома ВКП(б), Райисполкома и Райпрофсовета» выходила на четырёх полосах. Тираж первых номеров газеты был 1500 экземпляров, к концу 1932 года он составлял уже 3800 экземпляров, а к 1941 году – около 2500 экземпляров. Газета первоначально выходила один раз в пятидневку, но предполагалось, что в ближайшем будущем она будет выходить два раза в пятидневку. В течение 1931 года вышло в свет 55 номеров районной газеты. Далее и тираж, и количество номеров газеты росло год от года. Например, в 1940-м году вышло 303 номера газеты, то есть она выходила чуть ли не каждый день.

Девизами газеты «Колхозная стройка» помимо стандартного «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был «Да здравствует союз рабочих и крестьян!»

Стоимость одного номера районной газеты в 1931 году в розничной продаже составляла 5 копеек, подписка на 1 месяц стоила 25 копеек, на 3 месяца – 70 копеек, на 6 месяцев – 1 рубль 30 копеек, годовая подписка – 2 рубля 50 копеек.

Что интересно, уже с начала 1932 года в газете появляются широкие рубрики, практически газета в газете, занимающие одну полосу и освещающие новости определённых сельсоветов, например «Колхозная стройка» в Дубницком сельсовете»; появилась рубрика «Колхозные ребята: Страница пионера-школьника» и даже отдельная полоса на эстонском языке – «Kolhoosi ehitus» (Колхозная стройка (эст.)). Таким образом, районное периодическое издание пыталось охватить все слои населения района, привлечь интерес деревенских жителей, которые читали новости своих сельсоветов, освещала проблемы молодёжи и школьников, а также многочисленного эстонского населения района (в период 1930-х годов численность эстонского населения Струго-Красненского района составляла до 10% от общего числа жителей).

Были в истории газеты и трагические моменты, характерные для того времени: 2 июля 1937 года редактор газеты «Колхозная стройка» Гаус Эвальд Михайлович арестован в пос. Струги Красные. 3 января 1938 года осуждён комиссией НКВД СССР по статье 58-6-10-11 УК РСФСР (шпионаж, организационная деятельность, направленная на пропаганду к свержению советской власти), и приговорён к расстрелу. Реабилитирован в 1957 году.

29 июля 1938 года машинистка редакции газеты «Колхозная стройка», уроженка дер. Терebuни Викс Вера Владимировна арестована в пос. Струги Красные. 25 октября 1938 года приговорена Особой тройкой УНКВД ЛО по статье 58-1а-11 УК РСФСР (измена Родине) к высшей мере наказания. Расстреляна в Ленинграде 30 октября 1938 года. Реабилитирована в 1956 году.

Последний номер газеты «Колхозная стройка» №161(2444) в 1941-м году вышел 10 июля, а уже ранним утром 11 июля посёлок Струги Красные был оккупирован фашистскими войсками. Оккупационные власти прекратили выпуск районной газеты. Но в январе 1943 года стругокрасненская газета под названием «Колхозная стройка» стала печататься подпольно в партизанской типографии, в период с января 1943 по январь 1944 года вышло несколько десятков номеров. В конце февраля 1944 года район был полностью очищен от оккупантов, и с июня возобновилась печать районной газеты. Ответственным редактором была назначена В. Бойкова.

15 июня 1958 года газета поменяла название на «Знамя коммунизма». Под этим названием газета выходила до 18 апреля 1962 года, а уже с 29 апреля она стала называться «За коммунизм». Под названием «За коммунизм» районная газета просуществовала чуть менее 30 лет. В связи с проводившейся в СССР с 1985 года перестройкой социально-экономических отношений, изменениями в политической жизни, отказе от идеи

построения коммунизма, название газеты планировалось заменить с нового 1992 года, но события августовского путча 1991 года ускорили этот процесс. Под названием «За коммунизм» газета последний раз вышла 24 августа 1991 года, а уже 27 августа она стала называться «Струги». Под этим названием газета выходит до сих пор. Валовая непрерывная нумерация газеты перевалила уже за 13000 номеров, но она ведётся лишь с 1944 года, нужно помнить, что в период 1931–1941 вышло ещё 2444 номера.

Но рассказывая о районной прессе нельзя не отметить прессу Новосельского района, который существовал в периоды 1927–1932 и 1935–1958, и его территория полностью вошла в состав современного Струго-Красненского района.

Первая газета Новосельского района называлась «Правда Ильича» и выходила в период с 5 июня 1931 по 1 января 1932, за этот короткий период вышло 45 номеров. С января 1932 года территория Новосельского района вошла в состав Струго-Красненского и газета прекратила своё существование. Газета «Правда Ильича» выходила тиражом 1000-1500 экземпляров, печаталась в типографии «Псковский колхозник» в г. Пскове. Ответственным редактором состоял Н.Н. Муравьёв, а его заместителем М. Россинг. Газета была качественно напечатана, содержала 4 полосы, имела периодический раздел «Комсомольская страничка “Молодой льновод”».

После вторичного образования Новосельского района в 1935 году с апреля стала выходить районная газета «Новосельская правда». Ответственным редактором был назначен Д. Захаров, заместителями в течение 1935 года побывали несколько человек: А. Рудницкий, С. Лившиц, Б. Кнох, Котиков, В. Калинин. Количество выпусков газеты росло год от года, например в 1936 году вышло 158 номеров, а в 1940 уже 302. 5-го июля 1941 года вышла газета «Новосельская правда» №156 (1549) которая стала последней перед оккупацией. В период оккупации газета не издавалась, лишь подпольно в ноябре 1943 и январе 1944 были выпущены несколько номеров. Возобновился выпуск «Новосельской правды» в мае 1944 года. В период с 1944 по 1958 годы вышло более 2000 номеров газеты. В начале 1958 года территория Новосельского района была присоединена к Струго-Красненскому и «Новосельская правда» прекратила своё существование.

За более чем 80-летнюю историю газеты произошло много событий и в стране, и в районе и в жизни людей его населяющих. Газета и её коллектив за этот период пережили все эти события вместе с населением района. Печаталась в газете и откровенная ложь и горькая правда, газета рассказывала об успехах и недостатках, были и хвалебные оды и жёсткая критика...

Были времена расцвета и упадка интереса к газете, были времена, когда приходилось выпускать её подпольно, были времена, когда попросту не хватало средств на издание, но все эти трудности газета благодаря сотрудникам редакции и жителям района преодолела.

Проблем вполне хватает и сейчас. Даже современный тираж районной газеты не дотягивает до 1500 экземпляров первого номера. Выходит сейчас чуть более ста номеров в год, а не триста как в 1940-м. Но нельзя однозначно сказать, что это плохо. Просто в наш век информации газета перестала быть единственным источником районных новостей и донесения информации до жителей, хотя до сих пор остаётся важнейшим, поистине самым полным и интересным. Газету ещё не смогли полностью заменить электронные издания, социальные сети, телевидение и т.п. Так пожелаем же стругокрасненской районной газете успехов и процветания, чтобы она всегда была интересной и востребованной читателем.

Первый номер газеты «Колхозная стройка»

Прогноз погоды: Облачно с прояснениями. Ветер: Юго-Западный, 5-10 м/с. Температура: +10...+12°C.

Колхозная СТРОЙКА

№ 1. Вторник, 12 мая 1931 г.

Цена 5 коп.

Адрес редакции: Стругокрасненский район, д. Путь Ленина, 12.

Учредитель: Стругокрасненский районный комитет.

Издатель: Стругокрасненский районный комитет.

Состав редакции: Редактор: И. И. Иванов. Редактор: П. П. Петров. Редактор: С. С. Сидоров. Редактор: Т. Т. Тихонов. Редактор: У. У. Ушаков. Редактор: Ф. Ф. Федотов. Редактор: Х. Х. Хохлов. Редактор: Ц. Ц. Цыганов. Редактор: Ч. Ч. Чернышев. Редактор: Ш. Ш. Шварц. Редактор: Щ. Щ. Щербаков. Редактор: Ъ. Ъ. Ъжов. Редактор: Ы. Ы. Ыжов. Редактор: Ь. Ь. Ьжов. Редактор: Э. Э. Эжов. Редактор: Ю. Ю. Южов. Редактор: Я. Я. Яжов.

По боевому проведем второй большевистский сев!

ОРГАНИЗУЕМ УДАРНЫЕ БРИГАДЫ ИМЕНИ „518 И 1040“

ВЕТ ТУЛЯКАМ БРОВСКИЕ КОЛХОЗНИКИ ВПЕРЕДИ

РАСТУТ НОВЫЕ КОЛХОЗЫ

По ударному

За второй большевистский сев

Пашуту онючили

Вылавьем захонских

Сообщения с мест

ЗАДАЧА ВТОРОЙ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ВЕСНЫ

ПРОВЕДЕМ СЕВ

по ударному, а не в развалку!

Первый номер газеты «Правда Ильича»

1061931
1931 г. № 1
ПРАВДА ЛЬВИЧА
Орган Новосельского района ВКП(б), районского и районного профсовета.

ЦЕНА КОП.
В месяц — 30 к.
В квартал — 80 к.
В год — 3 руб. 00 к.
Адрес редакции:
Новоселье, Лыбавский район.
Общественная ул., д. № 14.
Телефон 6-70363

Ленинград, Областному ВКП(б) тов. КИРОВУ.
В день шинура перловым зерном нашей пшеницы новой гомы «Правда Львица» стойкую борду Ленинградской партии плем. пшеницы привез. Мы, большевики Ново-сельской райпарторганизации, под руководством

ЧЕСНА НЕ ЖДЕТ — ДОБИТЬСЯ ПОБЕДЫ НА ЛЬНЯНЫХ ПОЛЯХ

До каждого двора довести постановление Совнаркома СССР о льготах посевицам льна и конопли

БЕСПОЩАДНО КАРАТЬ КУЛАКОВ — САБОТАЖНИКОВ СЕВА

Равняться по колхозам Новосельского сельсовета

Весенний сея по району идет медленным темпом. На 29-ое мая по району засеяно льном 44 проц, коноплей 56 проц, сидеральными 31 проц, и кулишно-злаковыми частями засеяно 28 процентов.

Президиум районной тресты сев льна, на которой принято решение закончить сев льна и 5-мй июня, дождаться дать новый приказ о концентрации и по ускорению выполнения план и в срок закончить сев.

Но из частных сведений видно, что не все сельсоветы стойко борются за выполнение плана. Передовой Новосельский сельсовет на 3-е июня высеял сев льна на 75 проц, из них: колхозами 95 проц, и единоличниками 78 проц. Злаковыми, кулишно-злаковыми сев льна, преданы сушу.

Срок сев конопли — обещание должно быть выполнено. Местовский, Цаплевский, Осельский, Завалинский, Катяжский и Ленинский сельсоветы должны равняться на Новосельскому с.с.

Печальное состояние является поставление Совнаркома Союза, направленные к исполнению плана.

Немедленно выполнить обещание

Фрунженский Цаплевский сельсовет тов. Гурьев. 20-е мая обещал району ВКП(б) засеять льном 100 проц. На отчетный день засеяно 10-е проц. Вспашка под яровые 67,7 проц, вспашка колхоза 60 проц, и единоличников 20 проц.

Новосельский сельсовет, именованный «Совхоз» и «Мая», вспашку правили на 100 проц, и посеяли льна на 60 проц.

Позднее оставлено в селе Цаплевский сельсовет директором на французской социал-демократии и кооператива льна.

В колхозах «Свердлово» и «Мая» до сих пор времени не переставая производственные планы. Эти колхозы работают впереди. Планы засеяны 100 проц, тресты правили на выполнении до 25-го мая у колхоза 1-го колхоза

Немедленно выполнить обещание

Фрунженский Цаплевский сельсовет тов. Гурьев. 20-е мая обещал району ВКП(б) засеять льном 100 проц. На отчетный день засеяно 10-е проц. Вспашка под яровые 67,7 проц, вспашка колхоза 60 проц, и единоличников 20 проц.

Новосельский сельсовет, именованный «Совхоз» и «Мая», вспашку правили на 100 проц, и посеяли льна на 60 проц.

Позднее оставлено в селе Цаплевский сельсовет директором на французской социал-демократии и кооператива льна.

В колхозах «Свердлово» и «Мая» до сих пор времени не переставая производственные планы. Эти колхозы работают впереди. Планы засеяны 100 проц, тресты правили на выполнении до 25-го мая у колхоза 1-го колхоза

ДВЕ ТРЕТИ ПЛАНА СЕВА ВЫПОЛНЕНО

СССР за пятну пятидневку прошлым году на это число было посеяно 63,8 млн. га, в четвертую пятидневку, всего посеяно на 25 мая 66,361 тм. га — 66,4 проц. плана. В

По сведениям Наркомзема прошлым году на это число было посеяно 63,8 млн. га, в четвертую пятидневку, всего посеяно на 25 мая 66,361 тм. га — 66,4 проц. плана. В

На с. н. и. м.: Панорама Харковского тракторного завода.

Кох Николай Петрович

Николай Петрович Кох родился 27 января 1902 года в семье Петра Андреевича и Елены Романовны Кох в деревне Неелово Логозовской волости Псковского уезда. В семье росло три сына: Николай, Владимир и Сергей. Отец Пётр Андреевич служил начальником железнодорожной станции, семья жила в Петрограде, позже в Великих Луках. Николай Петрович учился в школе в г. Луга. В 1919 году работал на Варшавской железной дороге, участвовал в восстановительных бригадах на бронелетучках

Красной армии в период Гражданской войны. С 1923 года – селькор лужской газеты «Крестьянская правда». В период с 1924 по 1927 годы проживал в пос. Плюсса, работал на железной дороге, затем в нарсуде. В 1928 году поступил в Ленинградский техникум печати, который с 1929 года переформирован в Ленинградский государственный институт журналистики (ЛГИЖ). В период учёбы работал корреспондентом некоторых ленинградских газет. В 1930 году Николай Петрович женился на стружанке Серафиме Михайловне Яковлевой (1909–1988). В 1931 году Николай Петрович окончил ЛКИЖ и был направлен в Струги Красные. С мая 1931 года – заместитель ответственного редактора газеты «Колхозная стройка». 12 мая 1931 года выпустил первый номер газеты.

В период Великой Отечественной войны Николай Петрович работал корреспондентом различных изданий, в том числе газеты «Красная звезда». После войны

с семьёй переехал в Таллин, работал редактором газет «Эстонский железнодорожник», «Советская Эстония»...

Скончался Николай Петрович Кох в 1980 году после перенесённого инсульта, похоронен в Таллине на кладбище Александра Невского.

Жена Серафима Михайловна Кох (ур. Яковлева) работала воспитателем детского сада, позже в Эстонском телеграфном агентстве. Скончалась в 1988 году в г. Горький (ныне – Нижний Новгород).

В семье Николая Петровича и Серафимы Михайловны росли двое детей:

Татьяна Николаевна Осипова (ур. Кох) работала с 1956 вплоть до 1990-х секретарём-референтом в Горьковском обкоме КПСС.

Константин Николаевич Кох окончил Таллинский политехнический институт, работал преподавателем в высших учебных заведениях Эстонии. В 1957 году был председателем делегации Эстонской ССР на VI Всемирном фестивале молодёжи и студентов в Москве.

Брат Николая Петровича – Кох Владимир Петрович – родился в 1910 году в Пскове. В Красной Армии с 1938 года, участник Польской кампании (1939), Советско-Финской войны (1939–1940), Великой Отечественной войны (1941–1945). Гвардии майор, заместитель начальника политотдела 7-й Эстонской стрелковой дивизии. Награждён двумя орденами Отечественной войны II степени (1944, 1985) и Красной Звезды (1943).

Николай Петрович Кох оставил обширный архив, в том числе и литературно обработанные воспоминания о событиях своей жизни. Для стругокрасненского читателя, надеюсь, будут интересны его биографические очерки, рассказывающие о становлении районной газеты, о жизни посёлка в 1930-е годы. Данные воспоминания любезно предоставил внук Андрус Константинович Кох.

Кох Николай Петрович

Очерки тридцатых годов

Стругокрасненские журналисты

Вот и закончились дни учёбы в Ленинградском государственном институте журналистики, реорганизованном из техникума печати в 1929 году. Позади остались

споры и дискуссии, вызванные перестройкой учебного процесса на т.н. «активный» (бригадно-лабораторный) метод, давно введённый в московском ВКИЖе⁷, считавшийся наиболее передовым и прогрессивным. Вокруг нового метода велись большие споры. Приверженцы лекционной системы правильно утверждали, что внедрение «активного» (бригадно-лабораторного) метода, сводившего роль профессора и преподавателя до роли простого консультанта, т.е. фактически к нулю, на руку лишь лодырям и бездельникам, когда за бригаду в 5-7 человек несёт ответственность один бригадир.

Сторонники «активного» (бригадно-лабораторного) метода утверждали наоборот, что в наше время, когда развернулась титаническая работа по социалистической перестройке всей экономики страны, когда ликвидируются нэпманы и кулаки, пережитки капитализма в сознании людей, «активный» (бригадно-лабораторный) метод является скачком из небытия в бытие, воспитывает у студентов чувство ответственности за усвоение знаний, чувство коллективизма, открывает необозримые просторы для личной инициативы, способствует расцвету талантов.

Споры и дискуссии на конференциях и в аудиториях не прекращались даже в общежитиях, где создавались учебно-бытовые коммуны. Словом, ломка старого шла по всем направлениям. Правда, следует сразу оговориться, что «активный» (бригадно-лабораторный) метод и бытовые коммуны в вузах, техникумах и средних школах через год были отвергнуты и осуждены как левацкие заблуждения.

Своеобразие переживаемого времени состояло в том, что страна наша была охвачена пафосом созидания базы социализма. Строились такие гиганты индустрии как Магнитка, Кузбасс, Днепрогэс. Путиловский завод начал выпуск тракторов «Фордзон-путиловский», а Ижорский завод выпустил первый советский блюминг⁸. Несмотря на сопротивление предельщиков⁹ и консерваторов, рабочий класс и молодая, прогрессивная интеллигенция, изыскивали новые формы и методы работы. Не без успеха для производства внедрялись рационализаторские предложения и изобретения.

Пришла пора начинать социалистическое переустройство и сельского хозяйства. XVI съезд партии¹⁰ в декабре 1927 года принял план социалистической перестройки

---

⁷ ВКИЖ – Всесоюзный коммунистический институт журналистики им. «Правды» при ЦИК СССР. (*Здесь и далее примечания редактора*).

⁸ Блюминг – стан для прокатки заготовок квадратного сечения.

⁹ Предельщик – человек, строящий производственный план на отсталых нормах и показателях, которые он объявляет пределом технических возможностей.

¹⁰ Здесь автор ошибается, в период с 2 по 19 декабря 1927 года проходил XV съезд ВКП(б). XVI съезд ВКП(б) проходил в 1930 году.

деревни. На село поехали «двадцатипятитысячники»¹¹ – коммунисты из Москвы, Ленинграда и других промышленных центров страны. Большую роль в этом деле должна была сыграть периодическая печать, особенно районные газеты. С этой целью Центральный Комитет партии решил в каждом районе издавать свою газету.

Чтобы выполнить это важное решение партии, Ленинградский обком ВКП(б) предложил произвести в апреле 1931 года досрочный выпуск студентов 3 и 2 курсов института журналистики и послать их в районы. Будущие газетчики заканчивали программу ускоренными темпами. Некоторые дисциплины как математика, история СССР, экономгеография, логика, иностранные языки были объявлены второстепенными и сокращены. От «активного» (бригадно-лабораторного) метода вновь вернулись к лекционной системе. Преподаватель института красной профессуры тов. Фёдоров читал лекции по историческому и диалектическому материализму, зав. сектором печати Ленинградского обкома ВКП(б) тов. Шабанов – по истории партии. Вечерами – практика в редакциях областных и фабрично-заводских газет.

23 апреля 1931 года выпускникам выдали удостоверения об окончании института журналистики, путёвки и подъёмные. После Первомайских празднеств, не позднее 3-4 мая, они обязывались находиться на местах, каждый в своём районе.

Не обошлось, конечно, без вздохов сожаления. Правда, большая часть студентов восприняла досрочный выпуск из института стоически, как меру необходимую и правильную. Многие откровенно радовались, что получили возможность заниматься самостоятельной работой в районе, где, казалось, для совершенствования, пополнения знаний и проявления личной инициативы открываются большие перспективы. Кроме того всем было обещано, что обком партии время от времени, поочередно, будет вызывать на курсы переподготовки редакторов.

Были, конечно, и другие взгляды на будущее. Среди выпускников находились люди, мечтавшие по окончании института пристроиться в центральные, республиканские или, на худой конец, в областные или городские газеты. Периферия, т.е. районные центры вроде Лычкова, Пестова, Любытина, Дедовичей, Батецкой и других отдалённых мест их никак не устраивала, даже пугала. Они делали всё для того, чтобы если не остаться в Ленинграде, то пристроиться хотя бы поближе – в Ораниенбауме, Красногвардейске (Гатчине), Слуцке (Павловске), Тосно. И кто был напористей, тот своего добился.

---

¹¹ Двадцатипятитысячники – рабочие крупных промышленных центров СССР, которые были направлены на хозяйственно-организаторскую работу в колхозы в начале 1930-х годов, в период коллективизации сельского хозяйства.

Мне выпало ехать в Струги Красные. Это был район хотя и знакомый, но я не особенно радовался своему назначению. И если не протестовал, то лишь потому, что в Стругах у родителей проживала моя супруга и, следовательно, отпадали многие вопросы организации быта.

После первомайской демонстрации я отправился в общежитие на Обводном канале 173, чтобы проститься с товарищами. По этому поводу Зоська (Захарий Михайлович) Чурин, раздобыл литровку водки и закуску. Водку перелили в чайник, чтобы комендант ничего не заметил, поставили рядом стаканы с закуской и сделали «отвальную». Рыскавший по всем помещениям общежития комендант по запаху чуял, что в нашей комнате пьют водку, но уличить нас в этом не осмелился.

Вечерний поезд плавно отошёл от перрона Варшавского вокзала. При расставании с городом, в котором я провёл последние три года, а в общей сложности более 10 лет, стало грустно. Одна за другой менялись картины пережитого прошлого, начиная с 1918 года. Тут были периоды учения в техникуме, фронтовые будни, военная школа, политехнический институт, который не удалось закончить и, наконец, институт журналистики, который закончил досрочно. Одолевала досада, что жизнь складывается не так удачно, и под ритмичный стук вагонных колёс я читал про себя иронические строки А.С. Пушкина из его романа «Евгений Онегин»:

Мы все учились понемногу –
Чему-нибудь, да как-нибудь,
Так воспитаньем, слава богу,
У нас не мудрено блеснуть...

А для работы в редакции опыт у меня уже имелся, но пугало то, что в Стругах надо было всё создавать с самого начала. Здесь ещё не было ни редакции, ни типографии. Предстояла большая организационная и хозяйственная работа. На одни свои силы я рассчитывать опасался.

Я не любил Струг Красных. До поступления в институт журналистики (тогда ещё техникум печати), три последних года жил и работал в соседней Плюссе. Там, в своё время, воевал с белобандитами, там, после вынужденного перерыва в учёбе, с 1924 года, работал сначала на железной дороге, потом в народном суде.

Жителей посёлка Струги и Плюсы разделяла грань ревности одних к другим. Стругокрасненцы кичились тем, что их посёлок больше и лучше Плюссы, имеет полную среднюю школу, стационарный кинотеатр, каменный продмаг, амбулаторию с зубоврачебным кабинетом, аптеку и т.д. Словом, в представлении стружан, их посёлок

был настоящим городом с улицами: Советская, Крестьянская, Скотобойная. А Плюсса что – обычный пристанционный посёлок без кинотеатра и аптеки, с одной начальной школой. Улицы без названий и узнаются по фамилиям домовладельцев: Ильинская, Комиссаровская. И пьют в Плюссе не с таким размахом как в Стругах Красных. Райпотребсоюз даже пивную закрыл как бездоходную! Только и всего, что это такой же райцентр с учреждениями, начинающимися со слога «рай».

Я помню ещё, когда вместо Струг Красных существовала станция Белая, названная по одноимённому озеру. Потом обнаружилось, что на свете существует ещё одна станция Белая и во избежание путаницы к нашей добавили имя ближайшей мызы Струги. Так получилась Струги-Белая. Но в народе двойное наименование не привилось и станцию запросто стали называть и называют до сих пор Струги, а жителей посёлка стружанами.

В незабываемый 1919 год, во время войны с белогвардейцами, Струги 11 раз переходили из рук в руки, поэтому в Плюссе, интересуясь положением на фронте, спрашивали сведущих людей:

- А что, сегодня Струги белые или красные?
- Сегодня красные, а вчера были белые.

В конце концов, в Стругах окончательно утвердились красные, в честь этого и станцию переименовали в Струги Красные.

Даже в те, ныне отдалённые времена, Струги считались посёлком городского типа, окружённым сосновыми лесами. По свидетельству медиков, Струги – прекрасная климатическая станция, может потягаться даже с курортной Лугой. Пески, голубые озёра, воздух, насыщенный сосновым озоном, каждый год привлекали сюда много дачников из Ленинграда и больных, жаждущих исцеления от своего недуга – туберкулёза лёгких. Возможно, что здешний климат действительно помогает приезжим. За три года моего пребывания в Стругах умирали от чахотки только местные старожилы: Т. Павлова, Н. Яковлева, Львов, Аболин, Паль-Павская и ещё кое-кто, чьих имён, к сожалению, я уже не помню.

Равняла Струги Красные с курортным городом ещё одна деталь: здесь имелся ассенизационный обоз. Если в Плюссе, например, каждый домовладелец, не считаясь с временем суток, выливал содержимое выгребных ям на личный или соседский огород, то в Стругах «золотари» работали исключительно в ночное время и опорожнённые выгребные ямы щедро посыпали хлоркой. Ничего не скажешь, культура!

При всей моей любви к родной Плюссе, пальму первенства за относительный порядок и санитарное состояние я вынужден отдать Стругам Красным.

Как меня встретили в Стругах

В школьные годы мне случалось проезжать мимо Струг по железной дороге. Как сейчас помню: с одной стороны здание буфета, вокзал, за ним сдвоенная водонапорная башня и маленькое депо для единственного маневрового паровозика «кукушки». На противоположной стороне вагонные весы, несколько служебных зданий, церковь и домики стругобельских аборигенов.

Впервые ступить на стругобельскую землю мне пришлось летом 1919 года. В составе ремонтно-восстановительной путевой бригады я неоднократно сопровождал на огневые позиции бронепоезд №49 и бронелетучку командира батальона Билля. Хотя летучка и называлась броневой, но никакой наружной брони она не имела. Защита от пуль и осколков состояла всего из второй внутренней обшивки и песка. Впереди двух товарных вагонов-теплушек – одного штабного и другого для команды, была прицеплена платформа и на ней трёхдюймовая пушка, на построенном умельцами вертлюге. Позади другая платформа с запасом шпал и рельсов, на которых сидела наша бригада. Люки товарных вагонов служили и окнами и амбразурами для пулемётов.

В тот день летучка отправилась в очередной рейс к притихшему фронту, если так можно назвать 10-12-вёрстную полосу земли, на которой появлялись то белые, то красные. Сил у обеих сторон, видимо, насчитывалось немного. Кроме того, бежкам сильно мешали стругобельские партизаны, совершавшие налёты на станцию и другие пункты сосредоточения белогвардейцев. Плюсса, защищённая такими естественными рубежами как река и Соколий мох, была для врагов неприступной крепостью.

За Крестовской трубой, в 6-7 верстах от Плюссы, путь был разобран. Мы его быстро восстановили, уложив на место два звена рельсов, и поехали дальше. От Пскова до Струг поезда не ходили, т.к. Красная армия, при эвакуации, угнала весь подвижной состав. Но не исключалась возможность появления белоэстонского бронепоезда, который однажды появлялся в Стругах, но ехать дальше не рискнул.

Все знали, что в Стругах бежак, но, сколько их, надо было разведать. Уходя в ответственный рейс, командир Билль распорядился принять меры предосторожности: на платформу с пушкой посадили оружейный расчёт с полным комплектом боеприпасов, люки вагонов ошетинились дулами пулемётов.

Летучка благополучно прошла «ничейную» полосу. Нам, путейцам, сидевшим на последней платформе, перед толкавшим паровозом казалось, что никакого фронта и нет, спокойно себе покуриваем. Проехали карьер, а за ним через 4-5 вёрст показался входной

семафор. Летучка остановилась, как бы подумала немного и не спеша двинулась дальше. Вскоре она вышла на безлюдную станцию и подкатила к вокзалу, где на перроне у кипятивника и походной кухни, хлопотали солдаты. Беляки сначала не обратили внимания на летучку, но когда увидели выскакивающих из вагонов красноармейцев, разбежались. Так без единого выстрела были заняты Струги. Но ненадолго. Беляки быстро опомнились и открыли стрельбу из винтовок. Где-то застрочил пулемёт. Завязывать бой, чтобы удерживать станцию, не входило в расчёты командования. Билль приказал отходить. Красноармейцы быстро поскакали обратно в вагоны, не успев испробовать трофейного обеда или опрокинуть походную кухню. Паровоз попятился назад, увлекая за собою вагоны и платформу с пушкой. Для острастки всё же дали небольшую пулемётную очередь.

А мы путевые рабочие, сидевшие на открытой платформе, не на шутку перепугались. Но всё кончилось благополучно, поскольку передние вагоны и паровоз защищали нас от пуль. Вот так незабываемо состоялось моё первое знакомство со Стругами в 1919 году.

***

По окончании Гражданской войны мне уже не раз, по долгу службы, приходилось бывать в Стругах. В одну из таких поездок даже выкупался в озере Белом (Песчаном) и опять с приключением, довольно смешным. Выкупавшись, лежу с приятелем под сосной на берегу, как вдруг подбегают две девчушки и спрашивают:

– Товарищ, Вы не военный доктор? (А я как раз донашивал, после демобилизации, военную гимнастёрку и тёмно-синее галифе с хромовыми сапогами, что считалось модным у бывших военнослужащих. Пенсне, что сидело на носу, делало меня похожим на отставного командира или врача). Я успел только возразить, что теперь уже не военный, а штатский, как они схватили меня под руки и потащили на женскую половину пляжа. Там под сосной сидела девчонка-подросток в одной рубашке, и надрывно откашливалась. Вокруг столпились её перепуганные подружки, все в большом волнении, и задают вопросы один нелепее другого:

– Товарищ доктор, она не совсем утонула?

– Может, ей искусственное дыхание сделаете?

– Ничего ей больше не надо, – говорю я, – сами видите, что она жива, раз откашливается, очищая лёгкие от воды. Никакой опасности нет. А теперь, живо одевайтесь!

Тут только девчата заметили, что они в одних рубашках, а некоторые совсем раздеты, с криком «ах» бросились к своим платьям. Я повернулся и пошёл обратно. Вслед слышу крики:

– Товарищ доктор, что Вы ей пропишите?

– Хорошую головомойку от мамы, чтобы не совалась в воду, не зная броду! Потом, пусть примет что-нибудь потогонное.

Вечером, уезжая с почтовым поездом в Плюссу, на перроне слышу в толпе девчонок шёпот:

– Наш доктор пошёл...

Оглянулся и вижу среди подруг бывшую «утопленницу», оправившуюся и весёлую:

– Доктор, я теперь совсем-совсем здорова. Большое Вам спасибо!

Мне осталось только улыбнуться и помахать им из тамбура вагона рукой. Не стоило разочаровывать этих милых, доверчивых девчонок, что я такой же доктор, как патриарх всея Руси.

***

Со своей будущей супругой я познакомился, когда она приезжала в гости к своей плюсской тётушке. В Плюссе было немало хороших и красивых девчат, но они давно примелькались и, поэтому, до 28 лет я так и не сделал среди них выбора. А приезжие девушки всегда казались привлекательнее и красивее. Немного смущало, что она из Струг Красных, из тех Струг, которые я презирал за высокомерие и зазнайство стружан, но отступить было не в моём характере.

***

И вот теперь, Первого мая 1931 года, прямо с демонстрации, простившись с товарищами, я поехал на Варшавский вокзал, забрав свой студенческий чемодан с «барахлишком», и отбыл с поздним вечерним поездом в Струги Красные. Назначенный одновременно со мной в ту же районную газету однокашник Зоська (Захарий Михайлович) Чурин, на должность инструктора-массовика, остался догуливать праздники в Ленинграде.

Утром 2 мая я вышел из вагона на перрон стругокрасненского вокзала. Поезд, дав прощальный гудок, покатило дальше на Псков, а я, перейдя через железнодорожные пути, вышел на знакомую Советскую улицу. До дома, где жила моя супруга у родителей, предстояло пройти около километра. Стояло ясное и тёплое майское утро, какие редко бывают в это время года в здешних местах.

Я был один из немногих пассажиров, прибывших с ленинградским поездом. Улица казалась пустой, и лишь около кирпичного здания продмага встретились двое вооружённых парней. Они остановили меня:

– Ваши документы, гражданин!

Я достал бумажник, вынул паспорт и протянул его высокому парню:

– Пожалуйста, если Вас это интересует.

– К кому и зачем приехали?

– К теще на блины. В командировочном удостоверении об этом ясно сказано, – сострил я.

– Следуйте за нами! – распорядился высокий парень и, не возвращая паспорта с командировочным удостоверением, велел шагать впереди себя к зелёному дому в начале улицы.

– Послушайте, я абсолютно не понимаю, за кого вы меня принимаете, и что вам от меня надо? – запротестовал я.

– Там узнаете, – ответил высокий парень. Таким образом, я под конвоем двух молодцов был доставлен в одну из комнат райкома партии, где сдан дежурному. Тот, внимательно проверив мои документы, спросил, не везу ли с собой оружие и, получив отрицательный ответ, вернул документы, разрешив следовать своей дорогой.

Уходя, я победно оглянулся, прочтя на лицах бывших своих конвоиров такую тоску, какая бывает у рыболовов-любителей, когда из их рук выскальзывает большая щука.

Такой «приём» в Стругах Красных меня сильно расстроил. Я не суеверен, но всё это, по утверждению дотошной соседки, предвещало в будущем большие неприятности.

Причина моего задержания объяснялась просто. 1 Мая, когда почти всё взрослое население посёлка вышло на праздничную демонстрацию, а дома остались старые и малые, в самый разгар торжества у братских могил, за железной дорогой вспыхнул пожар, уничтоживший больше двух десятков домов. Подозрение на поджог было очевидным, и причина пожара была отнесена к проискам кулаков.

Когда, с помощью подоспевших пожарных¹², пожар был ликвидирован, в посёлке состоялись митинги протеста, на которых проклинались классовые враги, пытавшиеся диверсиями нарушить созидательный труд стружан, и принимались обязательства решительно пресекать всякие вылазки классовых врагов.

---

¹² В машинописном оригинале: «подоспевших пожарников».

Через месяц-полтора, познакомившись с работниками милиции, я спросил у агента угрозыска т. Демченко, удалось ли найти и разоблачить поджигателей. Тот ответил, что, да и показал мне фотографии двух мальчиков 5 и 6 лет, которые в отсутствие старших устроили под крыльцом своего дома костёр.

Первая газета в Стругах Красных

Утром 3 мая я отправился в райком партии, чтобы представиться и встать на партийный учёт. Секретарь райкома, занятый расселением погорельцев, предложил мне посидеть тут же в его кабинете, и я устроился на стуле рядом с Зоськой Чуриным, приехавшим ночным поездом из Ленинграда.

Председатель поселкового совета Басалгин докладывал, где кого можно уплотнить, кого к кому подселить. Остались неустроенными несколько семей, в том числе женорг¹³ райкома Альма Прукс.

– Очень жаль девчонку. У неё сгорело всё, ничего не успели вытащить. Хорошо ещё, что идя на демонстрацию, одела праздничное платье. Но в дождь и в холод ей теперь не в чем даже выйти на улицу. Как прикажете нам быть? – спросил председатель поселкового совета.

Оба на некоторое время замолкли. Басалгин с досады закурил. Секретарь райкома думал минут пять, а потом произнёс, словно сделал открытие мирового значения:

– Поселим её пока в мансарде райкомовского дома. Здесь наверху. Комната хотя и летняя с выходом на балкон, но имеет плиту для приготовления пищи. Альма Прукс для нас не посторонний человек, пусть временно там поживёт, а дальше видно будет.

Когда жилищные дела были улажены, секретарь райкома мог заняться нами. Пока он утрясал с председателем поселкового совета эту сложную проблему, я сидел и гадал, где же встречался с ним раньше? Его мягкий и по-юношески свежий голос показался очень знакомым. Потом вспомнил: да ведь это товарищ Рубинштейн, бывший в своё время секретарём Лужского укома¹⁴ комсомола. Как же я его сразу не узнал?

Хотя раньше я с ним встречался лишь на уездных конференциях, и он вряд ли мог запомнить мою физиономию, но поздоровались мы как старые знакомые, даже вспомнили много общих друзей – первых комсомольцев.

---

¹³ Женорг – женский организатор.

¹⁴ Уком – уездный комитет.

Сергей Михайлович Рубинштейн был очень обаятельным и культурным человеком. Он ещё тогда, уездный комсомольский работник, не чурался носить галстук, ходил подтянутый, опрятно одетый, не форсил и не задавался. Подделываться под «пролетариев» Рубинштейн не любил, но когда надо было ехать на лесозаготовки или погрузку дров в Серебрянку, одевал фуфайку, солдатские брюки, ботинки с обмотками. И всё равно, даже в этой одежде в нём угадывался интеллигентный человек. Время мало изменило старого комсомольского вожака, хотя после ликвидации уездов прошло более пяти лет. От некоторых комсомольских укомовских привычек он всё ещё не мог избавиться, называя, как в былые времена, сотрудников по именам:

– Витя, подай мне смету на новую райгазету и штатное расписание.

– Сейчас, Серёжа, разыщу. Она где-то в ящике письменного стола у Миши, – ответил ему зав. общим отделом 55-летний бывший красный партизан Виктор Михайлович Богданов.

Я не слышал никогда, чтобы Сергей Михайлович повысил голос. Он, казалось, сердиться вовсе не умел, не любил швыряться солёными словечками, что допускали себе некоторые работники районной номенклатуры. Но сегодня, вспомнив, что с конного двора, где стояли выездные райисполкомовские и райкомовские лошади (автомшины в районе ещё не было), отвели в ветлечебницу племенного жеребца «Лёвку» и там кастрировали, вызвал по телефону заведующего. Можно было ожидать, что сейчас последует настоящий разнос, а его не получилось:

– Послушай, Вася, за что ты племенного жеребца испортил?

Не знаю, что пел ему в ответ заведующий Вася. Сергей Михайлович то поддакивал, то не соглашался и, наконец, сердито сказал:

– Жаль, что ты не племенной, а то бы отправил самого в ветлечебницу к Горожанскому, башибузук турецкий, – а потом, положив трубку на рычаг, с возмущением заявил:

– Ишь ты, жеребец, говорит, стал злой, кусаться начал. Значит, так воспитал его. Лошади никогда не рождаются злыми, а вот некоторые люди, те бывают дураками от рождения!

После короткой вспышки гнева секретарь райкома продолжил с нами беседу. Он сообщил, что новая газета будет называться «Колхозная стройка» (хотя одноимённая газета уже издавалась в Опочке), что ответственным редактором её по совместительству

утверждён заведующий культпропотделом¹⁵ райкома тов. Бойцов. Первый номер газеты намечалось выпустить ко Дню печати¹⁶, но мы опаздываем из-за отсутствия типографии. Сейчас надо срочно организовать и обработать материал для этого номера. У ответредактора уже имеется некоторое количество статей руководящих районных работников и актива – будущих рабселькоров¹⁷.

Нашу беседу прервал ответственный редактор-совместитель Михаил Фёдорович Бойцов. Познакомились. Потом он извлёк из портфеля около десятка статей и корреспонденций, нуждавшихся в серьёзной правке и доработке. Райкомовская пишущая машинка была загружена отчётом, поэтому мне пришлось почти всё заново переписывать от руки.

Материалы для первого номера «Колхозной стройки» представляли собою набор разной писанины, преимущественно ведомственного характера: статьи заведующего райземотделом о задачах посевной, заведующего райфинотделом о мобилизации средств, директора леспромхоза о летних дрово-лесозаготовках и т.д. Словом, каждый руководитель того или иного отдела райисполкома или хозяйственной организации старался «пропихнуть» на страницы районного печатного органа то, что он считал со своей колокольни самым важным на данном отрезке времени¹⁸. Даже некий заготовитель утильсырья, макулатуры и даров природы написал заметку о сборе и сушке первых весенних грибов сморчков и строчков, а другую с весьма выразительным заголовком: «Бараньи кишки – важная статья экспорта. Не выбрасывайте бараньи кишки». Первый рабкор, работник отделения связи т. Садков, очень желчный человек, обиделся, что в продмаге ему не удалось купить сельдей, т.к. их быстро расхватали. Его заметка называлась «Лови момент». Не было пока никаких вестей из «провинции», т.е. из сельсоветов и колхозов. Пришлось дать Зоське Чурину срочное задание добыть этот материал.

Словом, содержимое первого номера получалось довольно куцым и, как справедливо заметил ответредактор т. Бойцов, в нём не имелось решающего звена, ухватившись за которое, можно вытянуть всю цепь. В последнюю минуту Зоська принёс несколько добытых им заметок и информации, полученных по телефону, которые пошли под общим заголовком «Вести с полей». Кроме того имелось ещё стереотипное клише

---

¹⁵ Культпропотдел – отдел культуры и пропаганды.

¹⁶ День печати праздновался 5 мая.

¹⁷ Рабселькор – рабоче-сельский корреспондент.

¹⁸ Выделено автором.

Пресс-Бюро ТАСС с изображением на одной половине бравого тракториста за работой на своём колёснике, а на другой тракториста-лодыря «загорающего» у бездействующего трактора.

Первый номер первой в районе печатной газеты обсудили на расширенном первом (и последнем) заседании редколлегии, разверстали по полосам, сочинили шапки, без которых тогда не выходила ни одна уважающая себя районная газета. Руководил редколлегией тов. Бойцов и он настоял, чтобы на первой полосе дали шапку о развёртывании социалистического соревнования за право получения МТС¹⁹ из числа (1080?) открывающихся в СССР, хотя такая МТС в районе уже создавалась. Не помню сейчас, как звучала эта шапка, но без неё газета, по-моему, выглядела бы лучше. 11 мая я отправился в Лугу, чтобы договориться и отпечатать в местной типографии первый номер газеты «Колхозная стройка».

Лужская типография, бывшая уездная, потом окружная, для районного города считалась приличной. Она располагала достаточным количеством шрифтов самых разнообразных кеглей и наименований, тремя плоскими печатными машинами немецких марок, выпущенными ещё в XIX столетии, двумя скоропечатными американками «либерти». Всё это досталось в наследство от бывших двух частных типографий Неймана и Курочкина. Я их хорошо помню, ещё со школьных лет. Типография Неймана находилась недалеко от вокзала. Проходя мимо одноэтажного кирпичного здания, видел через окна девушек в чёрных халатах и цветных косынках, работающих у реалов с кассами²⁰. Они тогда казались мне, школьнику, волшебницами, делающими печатное слово.

После Великой Октябрьской социалистической революции обе лужские частные типографии были национализированы и переведены в особняк на Крестьянской улице, где на 1 этаже разместились типография, а на втором редакция газеты «Крестьянская Правда» – старейшей в СССР сначала уездной, потом окружной, а теперь районной и городской газеты.

«Крестьянскую Правду» я хорошо знал с первых дней её основания, а особенно с времён Гражданской войны, когда фронт находился на рубеже реки Плюссы и уездная газета была основным источником, откуда население черпало сведения о жизни в стране и положении на фронтах.

---

¹⁹ МТС – машинно-тракторная станция.

²⁰ Реал – стол с наклонной верхней доской и полками внизу, служащий местом для наборщика. Касса – ящик со шрифтом.

В послевоенный период «Крестьянская Правда» поднимала рабочих и крестьян на борьбу за восстановление народного хозяйства, за увеличение производства сельскохозяйственной продукции, особенно молочного животноводства, вела нещадную борьбу с кулачеством и их приспешниками.

Я начал сотрудничать в «Крестьянской Правде» простым селькором с 1923 года, был участником первого уездного слёта селькоров в 1924 году, и ей я обязан тем, что в 1928 году поступил в Ленинградский техникум печати, впоследствии реорганизованный в Институт журналистики.

И вот теперь я поднимаюсь по знакомой лестнице на второй этаж, где когда-то работали мои старые знакомые и друзья – первый редактор т. Эро и секретарь редакции мой школьный товарищ Николай Анфиногенов. Их давно уже нет. Тов. Эро перевели в другой район. А Н. Анфиногенов умер от туберкулёза лёгких. Сейчас в редакции работали новые люди, больше знакомые по именам, хотя и раньше приходилось изредка с ними встречаться – зам. редактора тов. Краковяк и активный селькор Ариф Сапаров. Были ещё другие сотрудники, но я их уже не помню. Ответственным редактором числился т. Сатаев, изредка подписывающий газету, но она делалась без его личного участия, т.к. по роду своей работы завкультпропотделом райкома партии он осуществлял лишь «общее руководство» и давал «указания». Селькоры и авторский актив знали своего редактора по фамилии, а видеть, почти никогда не видели.

В редакции меня приняли хорошо, как старого знакомого и были рады узнать, что у соседей в Стругах Красных начала издаваться своя районная газета. Обещали помочь в подготовке выпуска первого номера, но она не потребовалась.

Заведующий типографией тов. Васильев, с которым меня познакомили, без всяких возражений и условий принял оригиналы и тут же отправил их в наборный цех. Мы договорились, к какому часу подготовить набор, чтобы успеть сверстать и отпечатать газету к 16 часам, чтобы я успел на поезд.

Прошло какие-то три часа, и мне положили на стол оттиски гранок, уже окончательно выправленных корректором В.Н. Николаевым – бывшим преподавателем русского языка, ныне пенсионером. Мне оставалось только приступить к составлению макета. Я начал наклеивать оттиски гранок на старые полосы «Крестьянской Правды», что значительно упростило и ускорило вёрстку. Сокращать почти ничего не пришлось. Оттиски полос я получил тоже тщательно откорректированными. Словом, к обеду наша «Колхозная стройка» была уже готова, и полосы спущены в машину. Мне оставалось

только взять сигнальные номера и получить на них разрешение «райлита»²¹, т.е. предварительной цензуры, т.к. «Крестьянская Правда» печаталась ночью, и к этому времени в редакцию приходил цензор. Получение разрешения «райлита» (вспомним, что слова «цензор» и «цензура» из употребления изгонялись) не составило трудностей и не отняло много времени.

Словом, наша «Колхозная стройка» к 15 часам была уже отпечатана и упакована в два тюка. С этой довольно тяжёлой ношей я отправился на вокзал к поезду, унося хорошее впечатление о приёме, оказанном редакцией и типографией «Крестьянской Правды». Сожалел лишь о том, что не успел сходить к сёстрам на Переездную улицу 14, дом которых для меня был вторым родным домом.

Дорогой в поезде мечтал о времени, когда в Стругах Красных будет своя полиграфическая база, и не придётся больше совершать утомительные, отнимающие драгоценное время, поездки в Лугу, как ни мил и дорог мне этот город, как ни милы и приветливы газетчики и полиграфисты лужской «Крестьянской Правды».

Незабываемым остался день, когда с почтовым поездом №3 я приехал из Луги с объёмистыми тюками первой в Стругах Красных районной печатной газеты. Внешностью она напоминала во многом «Крестьянскую Правду»: тот же формат, те же шрифты и те же пять колонок. Только название иное, да статьи и заметки объёмистей. Не имелось ещё и остроты, присущей «Крестьянской Правде», но что возьмёшь с газеты только что появившейся в свет и редакции, фактически состоящей из двух штатных работников?

Часть тиража я тут же сдал в газетный киоск на станции, где её начали быстро разбирать, другую отнёс на почту для рассылки подписчикам, а их было ещё не много. Около 500 экземпляров остались нереализованными. На следующий день Зоська Чурин наwerbвал мальчишек-газетчиков, и те быстро, за комиссионное вознаграждение, распродали всё. Себе мы оставили на всякий «пожарный» случай 50 экземпляров и хорошо сделали, т.к. потом пришлось ещё многим рассылать обязательные экземпляры, для обмена другим редакциям районных газет и раздавать некоторым районным организациям по той или иной причине оставшимся без газеты.

Рождение своей печатной газеты в посёлке и во всём районе было встречено восторженно и вызвало законный интерес, а патриоты стружане зафорсили перед ближайшими соседями из Плюссы и Новоселья: «Смотрите, чем Струги Красные не город, у нас даже издаётся своя печатная газета. Скоро догоним и перегоним хвалёную

---

²¹ Райлит – уполномоченный по делам литературы и издательств в районе.

Лугу!» Откровенно говоря, посёлку Струги Красные было очень далеко до Луги, но гордость стружан захватила и меня: я теперь являюсь жителем посёлка Струги Красные, одним из тех людей, чьими руками делалась районная газета, почему же тут не гордиться? Под этим впечатлением даже начала постепенно затухать извечная моя ревность, как плюсского патриота, к стружанам. Только бы не зазнаться. Но до этого всё-таки не дошло.

Первый номер «Колхозной стройки» был датирован 12 мая 1931 года. Этот день вошёл в жизнь как дата, с которой начался мой жизненный путь уже не как журналиста-любителя, а как журналиста-профессионала, полный оптимистических надежд и горестей.

«Колхозный печатник» и райгазета

Незабываемые тридцатые годы! В тогдашней Ленинградской области одних только «Колхозныхстроек» – районных газет с таким наименованием, издавалось две: одна в Опочке, другая в Стругах Красных. Далее следовали «Колхозник» в Кингисеппе, «За колхозы» в Острове, «Колхозная искра» в Любытине, «Псковский колхозник», «Колхозная Правда», всех не перечесть. Удивляться тут, собственно, нечему. В стране осуществлялась социалистическая переделка сельского хозяйства – сплошная коллективизация. Слова «колхоз», «колхозник» прочно входили в быт. От них прошли новые производные наименования: вместо «дома крестьянина» – «дом колхозника», вместо обычной чайной – «колхозная чайная», вместо простого рынка – «колхозный рынок» и так далее.

Новые наименования не дань моды. В них вкладывался свой смысл и содержание, возникшие на новых отношениях.

Но находились и подражатели, которые, присвоив колхозную вывеску, пытались прикрыть ею своё торгашеское нутро. Такими явились типографии «Колхозный печатник», открытые Ленпромпечатсоюзом в ряде районов области.

Я не знаю, кому первому пришла мысль о создании в районах области сети типографий Ленпромпечатсоюза, объединившего в артель бывшие мелкие частные типографии Ленинграда. Думаю, что это предложили сами деятели Ленпромпечатсоюза, опасаясь, что в связи с организацией новых газет почти в каждом районе и создания типографий на местах, у них могут отобрать излишки оборудования. Вот они и додумались создать в районных центрах свои типографии, выбрав наиболее перспективные, такие как Струги Красные, Тосна, Жихарево и другие, что ближе к Ленинграду или к железной дороге. Полиграфия дело выгодное, даже самые примитивные

«типушки» с одной американской «либерти» или «бостонкой»²² приносили предпринимателю доход от мелочных работ. А тут можно убить сразу двух зайцев – получать доход от «мелочей» и от печатания районной газеты, для которой государство выделяло фонды бумаги.

Когда я, появившись в Стругах Красных, узнал, что некая ленинградская организация под названием «Колхозный печатник» приступила к оборудованию районной типографии, то не придавал этому особого значения, решив, что областной комитет по делам печати знает что делает.

Районные газеты с тиражом 1,5–2 тысячи экземпляров всегда убыточны. Их дефицит покрывался раньше, покрывается и теперь за счёт государственной дотации и доходов типографии, объединённой с редакцией в издательство. Подписные суммы и от розницы тоже поступали на счёт издательства в общий котёл. Издательства были заинтересованы в том, чтобы как можно больше снизить себестоимость газеты, составлявшей от 100 до 120 рублей за номер. Некоторые издательства вели дело так успешно, что не только отказались от государственной дотации, но сами перечисляли в доход государства не малую прибыль.

Иначе сложились отношения у «Колхозной стройки» с «Колхозным печатником». Перед открытием типографии в Струги Красные приехал руководитель отдела районных типографий Ленпромпечатсоюза Гинсбург с готовым текстом договора. Когда я познакомился с этим договором, то пришёл в ужас: по нему выходило, что редакция обязуется за напечатание каждого номера районной газеты, исходя из двухтысячного тиража, платить «Колхозному печатнику» по 250 рублей! И это за маленькую четырёх полосу формата ОСТ-4, в то время как лужское издательство «Крестьянская Правда», где мы печатали свою «Колхозную стройку» на их же бумаге, предъявляло нам счета на сумму вдвое меньшую.

На оставшиеся полгода от государственной дотации у «Колхозной стройки» оставалось около двух тысяч рублей. Выходило, что денег хватит всего на 12 номеров газеты. Суммы, поступающие от подписки и розницы, не могли покрыть расходов даже на зарплату сотрудникам редакции. Я признал этот договор неприемлемым, назвав его кабальным.

Несмотря на мои возражения, ответредактор М.Ф. Бойцов, для которого редакционное и издательское дело было дремучим лесом, не раздумывая «подмахнул»

---

²² «Либерти», «бостонка» – наименования небольших печатных станков.

явно невыгодный договор, включавший ещё и другие условия: газета должна иметь по 4 колонки на полосе, размер колонки 3,5 квадрата, в то время как большинство одноформатных газет имели 5 колонок по $2\frac{3}{4}$ квадрата колонка.

Когда типография «Колхозный печатник» начала печатать газету в Стругах Красных, оказалось, что стоимость её удвоилась за счёт стопроцентного налога с оборота, а это означало, что каждый номер райгазеты стал нам обходиться в 500 рублей! Только теперь М.Ф. Бойцов понял, что дал маху, но дело было сделано – договор подписан, и надо платить. Сунулся он в финансовые органы, чтобы облегчить бремя непомерных расходов, но там ему ответили, что закон изменить нельзя. Будь у редакции своя (государственная, объединённая с редакцией в издательство) типография, тогда другое дело – никто сам себе счетов не выписывает. Расходы за печатание газеты покрываются за счёт государственной дотации и типографских доходов за акцидентные²³ работы со стороны.

Чтобы выйти из финансовых затруднений, райком партии и райисполком облагали наиболее богатые хозрасчётные предприятия и организации своеобразной «контрибуцией»: на леспромхоз – 2000 рублей, контору «Заготлён» – 3000 рублей, райпотребсоюз – 2000 рублей, промартель «Восход» – 2000 рублей, и даже обязал райпрофсовет перечислить на финансирование своего печатного органа 2000 рублей. Но и этих средств до конца года тоже не хватало. Приходилось снова выпрашивать, клянчить. Нам было стыдно самих себя, как жалких попрошаек, и от сознания того, что подобные поборы с правовой точки зрения являются незаконными, мысли о том, как выкрутиться из положения, как достать денег, чтобы выплатить сотрудникам заработную плату, занимали нас каждый день. Пришлось пойти даже на хитрость: договориться с «Союзпечатью», чтобы за квартальную подписку переводили деньги на счёт редакции к моменту выдачи заработной платы, и не дать их «перехватить» типографии по безналичным расчётам. На лицевом счёте редакции большею частью числилась сумма в нуль рублей и нуль копеек.

Особенно портил нам настроение заведующий типографией Валентин Иванов, принося очередной счёт на трёхзначную и даже четырёхзначную сумму. Как бы издеваясь над бедными газетчиками, он «ласково» и не без иронии говорил:

– С вас причитается, молодые люди. Надо платить, иначе типография откажется делать газету дальше!

– Пусть попробует сорвать хотя бы один номер! – угрожающе отвечал я.

---

²³ Акцидентные – случайные.

Валентин Иванов прекрасно понимал, что сорвать выход газеты он не посмеет, но ленинградское начальство на него напирало и грозило карами за невыполнение финансового плана. Я, в таких случаях, отсылал его к ответредактору М.Ф. Бойцову. Какой у них происходил разговор там, в райкоме, не знаю, но деньги в банк на счёт редакции поступали и тут же снимались. На текущие расходы и заработную плату нам иногда тоже кое-что перепало.

Участвуя зимою в совещании работников районных изданий в Ленинграде, я рассказал заведующему областным комитетом по делам печати тов. Невскому о крайне тяжёлом положении редакций районных газет, где типографии принадлежат «Колхозному печатнику» Ленпромпечатъсоюза. Тов. Невский согласился со мной, но развёл руками – теперь уже сделать ничего нельзя. Законных оснований для изъятия типографий у «Колхозного печатника» и для передачи их районным издательствам не имеется.

А в это время с трибуны совещания заведующий отделом районных типографий «Колхозный печатник» Гинсбург держал вдохновенную речь. Ссылаясь на ленинградский кооперативный план, он доказывал полезность и выгодность для государства существования типографий «Колхозный печатник», что они, а не кто другой, несут в массы большевистское печатное слово и т.д.

Во время перерыва, в кулуарах, я попытался поговорить с Гинсбургом по душам, как человек с человеком, цифрами и фактами опровергнуть абсурдность его утверждений о якобы выгоде для районов существования районных типографий «Колхозный печатник». В ответ Гинсбург мне заявил:

– Вы что, предлагаете, чтобы газета была на содержании у типографии?

Такой циничный ответ руководителя отдела районных типографий Ленпромпечатъсоюза меня взбесил, и я ему ответил:

– Напрасно Вы, гражданин заведующий, сравниваете нашу районную партийную печать с продажной буржуазной прессой, которая действительно является содержанкой у капиталистов. Дал бы я Вам сейчас по морде за такую аналогию, но не хочу подымать скандала на всю область.

Спорить дальше с гешефтсменом из Ленпромпечатъсоюза я не стал, считая это бесполезным. Бывший частник, как и его коллеги – бывшие владельцы типографий, ныне вошедших в систему промкооперации, в душе остались прежними частниками, идеалом которых был гешефт, т.е. бизнес, как выражаются нынче по-английски.

***

Стругокрасненская типография «Колхозный печатник» помещалась в доме бывшего булочника Ф. Глазера и состояла из трёх комнат. В первой, самой большой – наборный цех, во второй печатный и в третьей, маленькой, конторка с корректорской. В бывшей пекарне во дворе – склад для бумаги и вальцеварка. Имелись две печатные машины. Одна немецкая «гольдберг», круговращательная, выпуска конца 19 столетия. Раньше она служила литографии, ход имела медленный, но давала отличные оттиски. Другая – американка «либерти», приводимая в движение ногой. Прессом служили доски с кирпичами, бумагу резали обыкновенными столовыми ножами.

Местных кадров полиграфистов в Стругах не имелось. Типография комплектовалась исключительно из «итальянцев», т.е. наборщиков, изгнанных из типографий Ленинграда и Пскова за беспробудное пьянство. После каждой полочки наборщики «балдили», не выходили на работу до тех пор, пока не пропьют всю зарплату до последней копейки. В таких случаях за реал становился сам заведующий Валентин Иванов, да хорошо ещё, что молодой наборщик Богданов оставался на ногах. Иногда приходилось и мне с Зоськой становиться к наборным кассам, но мы не имели такого навыка как заправские наборщики и делали много ошибок.

Печатник Большаков и переплётчик Владимиров были оба трезвенниками, отличными специалистами. Большаков даже умел хорошо набирать, но до такой «низости», чтобы встать за реал, не «опускался».

Плоскопечатная машина «Гольдберг» приводилась в движение мускульной силой вертельщика. Им работал эстонский паренёк Саша Лутс, страдающий эпилепсией. Тяжёлая физическая работа оказалась ему явно во вред, да и заработок не велик. Припадки у Саши стали повторяться чаще. Кончилось всё тем, что сердобольные родственники (Саша – круглый сирота) забрали его к себе в деревню. Теперь Большакову всякий раз приходилось искать себе вертельщиков на базарной площади.

Выдающийся русский писатель А.И. Куприн писал, что «в каждом городе имеется свой дурачок». Эта истина не исключала и посёлок Струги Красные. Такой достопримечательностью посёлка был 35-летний Лёша-дурачок. Он отличался тихим нравом, пока его не трогали. Но озорные мальчишки, да и некоторые взрослые парни часто дурачка дразнили. Лёша поднимал крик на всю Советскую улицу, с камнем гонялся за обидчиком. Впрочем, оружие своё он никогда в ход не пускал. Но от него бегали, не ровён час, ещё и ударит. С дурачка спросу нет.

Печатник Большаков, лишившись хорошего вертельщика Саши Лутса, задумал приобщить к труду Лёшу-дурачка, исключительно с «воспитательной целью». Он уверял,

что ему уже удавалось трудовыми методами превращать умственно-отсталых людей в полноценных граждан. Мне кажется, однако, что Большаков в данном случае преследовал совершенно иную цель. Если дурачок втянется в работу, то ему, не умеющему читать и считать, можно всучить как заработную плату любую бумажку или двугривенный вместо рубля. Но из этой затеи ничего не получилось. Повертев ручку тяжёлой машины, сделав несколько оборотов, Лёша не стал продолжать работу дальше и ушёл не простясь. Дурачок оказался совершенно не способным к труду. Пришлось печатнику идти искать нового вертельщика на базарную площадь, где толкалось немало шабашников. Охотников поступить на постоянную работу вертельщика не находилось.

***

После прочтения воспоминаний Н.П. Коха о первом этапе становления районной газеты давайте попробуем окунуться в атмосферу тех лет. Ниже приведены некоторые статьи и выдержки из статей газеты «Колхозная стройка» за май-июнь 1931 года.

«Колхозная стройка» №1. Вторник, 12 мая 1931 г.

Бровские колхозники впереди

Колхоз «Бровск», организованный 27 апреля в составе 26 хозяйств, несмотря на короткий срок, сумел перестроить свою работу на коллективный лад.

Колхозники своевременно обобществили рабочий скот и сельхозинвентарь, дружно принялись за работу, удваивая нормы на одну рабочую единицу, вместо 33 соток вырабатывали по 45-50 соток.

Благодаря энтузиазму, организованности и дисциплинированности **колхоз «Бровск» первый во всём районе выехал в поле, и первый выполнил план пахоты.**

Колхозники «Бровска» первые кончили пахать, и первые приступили к севу.

Колхозники и единоличники района, следуйте примеру энтузиастов колхозников «Бровска», включайтесь в соревнование на ударные темпы работы.

Зося

«Активист»

Проведение весенней посевной кампании находится в тесной зависимости от участия в ней деревенского актива.

Учитель Петров из дер. Рокино, Симаноложского сельсовета 2 недели готовился с колхозниками к 1 мая и весенней посевной кампании, но в день 1 мая так напился пьяный, что не явился в народом и сорвал постановку.

○ Колхоз «Хрединский Труженик» расширяет посевную площадь под яровые культуры с 132 га до 172 га, под лён с 25 га до 60 га, встречный 20 га. Объявили встречные нормы выработки. К работе уже приступили.

Кто следующий?

Члены профсоюза месткома финработников в числе 22-х человек подписались на свою районную газету «Колхозная стройка» на срок от 1 до 7 месяцев.

Месткомы и группкомы, кто следующий даст подписку на свою газету?

Выявили кулаков-срывателей

«Семфонд и сортировка семян невыполнимы потому, что все семена сданы государству, у меня даже на хлеб не осталось», – кричал Петров Архип кулак деревни Рокино Симаноложского сельсовета.

Однако беднота дер. Рокино в ответ на это выступление взяла да и отсортировала 318 пудов семян, выполнив семфонд на 85 процентов, постановив внести остальное в 2-х дневный срок.

Когда комиссия произвела проверку наличия у кулака Петрова Архипа, то нашла у него: 14 пудов овса, 15 пудов ячменя, 7 пудов льносемян, 35 пудов перемолотого хлеба, да ещё припрятанным в пелах 2 мешка сортовой пшеницы и в соломе 6 пудов сортовой гречихи.

Это называется, что у кулака Петрова не хватает «даже на хлеб». Нужно со всею решительностью выявлять таких срывателей весеннего сева и привлекать к самой суровой ответственности.

Колхозник

Когда начнём строить<?>

В деревне Хредино в текущем году будет строиться льнозавод производительностью в 360 тонн обработки льна в год. Постройка должна закончиться к 1 августа 1931 года.

Весь материал уже заготовлен, отведено место для постройки, но к работе ещё не приступили, дело стало за организацией «Льноконопледсоюза», контора которой

находится во Пскове не произведшей окончательной распланировки и не присылающей инженера.

Нужно, товарищи, поторопиться. Время не ждёт, строительный сезон уже начался давно.

Строитель

«Колхозная стройка» №2. Понедельник, 18 мая 1931 г.

- Колхозы, охваченные волною встречных планов по увеличению посевов льна, идут впереди других. Колхозы «I-я пятилетка» – Дертины, «Путь Ленина» – Павы, «Хрединский Труженик» и др. дали увеличение посева льна против плана на 231 га.
- Эстонский колхоз «Уус Элу» («Новая жизнь») объявил себя ударным.
- Председатель Творожковского поселкового Товарищества Симано-Логского сельсовета Орлов ничего не сделал по подготовке к проведению весенней посевной кампании.
- В Дубницком сельсовете за весну вступило в колхозы 22 хозяйства. Организован ТОЗ из 5 хозяйств.
- Районный комитет Красного Креста вместо намеченных по плану к открытию одних яслей, открывает на свои средства ещё дополнительно 2 ясель.

«Колхозная стройка» №3. Понедельник, 25 мая 1931 г.

- Полевой штаб Хрединского сельсовета занёс колхоз «Стройка» за успешное выполнение вспашки на красную доску.
- Постановлением Ленинградского Облисполкома к осени текущего года Струго-Красненскому району будет дана машинно-тракторная станция.
- Колхоз «Латвишу-Лидумс» плохо справляется с ударной работой весеннего сева.
- Председатель колхоза «Крестьянский монолит» Константинов сын бывшего управляющего Ванюкова пролез в председатели колхоза и сразу же начал разваливать его.

- Обследование бригадой РКИ Струги-Красные сплава Ситенка–Шелонь Лужского леспромхоза выявило картину бесхозяйственности и вредительства.
- В пос. Струги-Красные старанием доктора Аллой организована санитарная дружина РОКК из 52 человек (из них 3 мужчин).

«Колхозная стройка» №4. Суббота, 30 мая 1931 г.

- Сев льна под угрозой срыва.
- По Боротнинскому сельсовету на 24 мая поднято целины 30 га, в то время как нужно по плану поднять 150 га.
- Яблонецкая комсомольская ячейка за период с 1 по 20 мая провела 3 бедняцких собрания и 2 общих по вопросу о посевкампании.
- Посевными тройками в Сиковицком сельсовете выявлено 15 кулацких хозяйств уклоняющихся от выполнения запашки.
- В самый разгар сева, когда дорог каждый день для выполнения плана весеннего сева, колхозы, по случаю пивного праздника «Николы», в Лудонском сельсовете прогуляли: «Передовик» – 4 дня, «Велени» – 2 дня, «Щирск» – 1½. Во Всинском сельсовете: им. Сталина – 4 дня, «Колхозный Путь» – 4 дня, «Согласие» – 2 дня, «Равенство» – 2 дня и «Ударник» – 2 дня.
- Почин рабочих завода «Светлана» (Ленинград), выбросивших лозунг о внесении в сберкассу «социалистического червонца» для укрепления финансовой базы нашего строительства, нашёл живой отклик среди активистов Струго-Красненского района. <...> Первый червонец внесён в сберкассу тов. Латвис В.О.
- В Яблонецком сельсовете культработа идёт черепашьими шагами, а в дер. Кочегоще так её совсем не видно, несмотря на то, что имеется двухкомплектная школа, два педагога. Красный уголок не работает, агроколхозкружок отсутствует, школа малограмотных и ликбез тоже не работали.

«Колхозная стройка» №5. Пятница, 5 июня 1931 г.

- За четырёхдневный прогул в пивной праздник «Николин день» и срыв посева льна посевштаб Хрединского сельсовета занёс кандидатом на чёрную доску колхоз «Красный трактор» и объявил выговор председателю колхоза Митюхину.
- Колхоз «Река» Симаноложского сельсовета на 2 июня закончил план сева яровых.
- Член колхоза «Хрединский Труженик» кандидат партии Ершов Иван вот уже целую неделю, как не выходит на колхозную работу, а занимается в своём индивидуальном огороде.
- Племянник раскулаченного и высланного из пределов района б. владельца шерстекарзильной гр-н Муга Эрнест под видом батрака пролез в члены колхоза им. Крупской и, работая в качестве «спеца» в шерстекарзильном предприятии, всяческими мерами старался дезорганизовать работу и развалить колхоз.
- После реорганизации сети потребкооперации в районе создано 11 потребительских обществ, которые ведут самостоятельную работу.
- Потребительское общество свой заготовленный в деревне картофель везёт в Струги-Красные, а коопсоюз, полученный картофель для семян, везёт из Струг-Красных в деревню. Таким образом, картофель делает пробег на 80 вёрст только потому, что два правления не могут договориться о взаимном обмене картофелем на местах.

